

Вопросы славянской аспектологии

Круглый стол «Вид и лексическое значение глаголов» (проводится в соответствии с научной программой Комиссии по аспектологии при Международном комитете славистов)

Взаимодействие грамматических категорий залога, вида и лица в русском языке

М. Алияришорехдели

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Взаимодействие, залог, частные видовые значения, время

Summary. This report is devoted to examining the interaction of grammatical categories of voice, aspect and person. We focused on the differences in the realization of aspectual meanings of active and passive voices, analyzed samples of the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru).

Вступление. В современной лингвистике наблюдается большой интерес к вопросу взаимодействия грамматических категорий. В. С. Храковский считает, что «взаимодействие — это такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может приводить к видоизменению обеих грамматических категорий» [Храковский 1996: 25]. В русском языке глагольные категории имеют сложную систему взаимодействий, эта тема исследовалась многими лингвистами (А. Б. Бондарко, В. С. Храковский, Ю. А. Пупынин и др.). В докладе мы ставим своей задачей проанализировать, как в русском языке взаимодействуют категории вида, времени и лица со страдательным залогом.

Взаимодействие залога и вида. Между названными грамматическими категориями особенно тесными являются связи вида и залога. Мы уже писали о зависимости формы страдательного залога от вида исходного глагола [Алияришорехдели 2011], [Алияришорехдели 2012]. В этом докладе основное внимание в вопросе взаимодействия вида и залога сосредоточено на особенностях частных видовых значений в страдательном залоге. В пассивных конструкциях обнаруживаются те же частные видовые значения, что и в активных конструкциях, но существуют определенные различия в реализации видовых значений. В нашей картотеке примеров из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) большое место занимают возвратные пассивные конструкции с неограниченно-кратным значением глаголов НСВ. Возвратные формы НСВ, выражающие правила, принятые нормы, законы со значением «так обычно делается», могут осложняться модальным смыслом «так следует делать». Например: *Заказчиком составляется список вопросов и пожеланий для доработки* (Договор об оказании сервисных услуг, 2003). Наиболее частотен такой тип употребления в официально-юридических, экономических и специальных текстах, а также при описании технологических процессов: *Когда такие легко вынимающиеся из пазов раздвижные створки... выполняют роль окон, они оклеиваются белой рисовой бумагой, похожей на папиросную* (В. Овчинников). Такие формы встречаются также при описании нравов и обычаев в художественных текстах: *Все заборы штукатурились, красились или белились заново, равно как и дома и палисадники* (Н. П. Карабчевский). В пассиве часто встречается особый тип неограниченно-кратного значения — потенциально-качественное значение: *Оргстекло хорошо пилится ножовкой (для металла)...* («Спортмен-подводник», 1962). Наше исследование показало, что самым частотным значением НСВ в возвратных конструкциях пассива является неограниченно-кратное. Процессное и обобщенно-фактическое значение НСВ встречаются значительно реже. Из 130 проанализированных возвратных конструкций с НСВ неограниченно-кратное значение встретилось в 102 случаях, конкретно-процессное в 23, а обобщенно-фактическое в 5 случаях.

Взаимодействие залога и времени. При изучении связи страдательного залога и времени особое внимание сосредото-

точим на причастной форме с нулевой связкой, типа *дом построен*. Некоторые лингвисты (В. С. Храковский, Ю. А. Пупынин, Е. В. Падучева) форму аналитического пассива без связки трактуют не как форму настоящего времени, а как особую временную форму перфекта, выражающего актуальность результата прошлого действия для момента речи, поэтому эта форма не сочетается с препозитивным обстоятельством времени, которое указывало бы время события: **Вчера окно открыто*.

С точки зрения Е. В. Падучевой, презентный перфект в русском языке, в отличие от английского языка, может употребляться во всех трех режимах интерпретации форм времени (речевом, синтаксическом и нарративном). Поэтому форма настоящего времени перфекта в русском языке ведет себя неотличимо от формы просто настоящего времени в активных конструкциях. Она может быть употреблена 1) в речевом режиме: *Окно открыто*; 2) в синтаксическом режиме: *Он увидел, что окно открыто*. В нарративном режиме с настоящим временем (*praesens historicum*) в качестве базового времени форма настоящего времени причастно-пассивного оборота может выражать одновременность с текущим моментом текстового времени: *Он входит в комнату. Окно открыто* [Падучева 1996: 301].

Связь залога и лица. Как известно, в пассиве глаголы регулярно образуют лишь формы третьего лица (в единственном и множественном числе). Причины этого явления объясняются по-разному. По мнению В. С. Храковского, «большинство переходных глаголов обозначают действия с предметами (типа *строить, открывать* и т. п.), и у таких глаголов, естественно, не может быть пассивных форм 1-го и 2-го лица» [Храковский 1991: 158]. Ограничение на употребление форм 1–2 лица в пассиве НСВ, с точки зрения Л. Л. Буланина, является одной из особенностей русского языка. Эти формы заменяются в речи неопределенно-личными конструкциями типа *Меня наказывают за шалости* вместо *Я наказываюсь за шалости* [Буланин 1986: 15]. Изучение взаимодействия глагольных категорий в русском языке является важным с точки зрения сопоставления с персидским языком.

Литература

- Алияришорехдели М. Возвратные формы пассива в русском языке: сложности изучения семантики и употребления (с точки зрения персидского языка) // Материалы XVIII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2011.
- Алияришорехдели М. Парадигматические связи залога и вида в русском языке: возвратная пассивная форма совершенного вида // Вестник ЦМО. М. (в печати).
- Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. Л., 1986.
- Падучева Е. В. Вид и время русских причастий на *н / т* // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Л. Топорова. М., 1998.
- Храковский В. С. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.

Глагольный вид в его отношении к лексике в системе грамматической категоризации

А. В. Бондарко

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Вид, аспектуальность, аспектуальная ситуация, категоризация, лексика

Summary. The paper “Verbal aspect in its relation to lexis in the system of grammatical categorization” deals with the relation of verbal aspect to the lexico-grammatical types of categorial unities (cf. terminative / non-terminative verbs, elements of the field of aspectuality and of aspectual situations). The analysis embraces another categories as well.

1. Один из возможных подходов к анализу глагольного вида в его отношении к лексике заключается в том, что характеристика данной категории связывается с другими категориями в их отношении к лексике в общей системе грамматической категоризации. Могут быть выделены следующие **аспекты категоризации**: 1) категориальные единства: грамматические, лексико-грамматические и функционально-семантические; 2) полевые структуры: центр и периферия; прототипы и их окружение; членения с элементами неоднородности (естественные классы); соотношение системы и среды; межкатегориальные связи; 3) инвариантность / вариативность в сфере изучаемых значений и функций.

2. Говоря о **категориальных единствах**, мы имеем в виду: а) грамматические категории (ГК), б) лексико-грамматические классы и разряды, в) функционально-семантические поля и категориальные ситуации. Проблема соотношения грамматических и лексико-грамматических элементов в области аспектологии и в других сферах грамматики получила глубокое осмысление в трудах Ю. С. Маслова. Важное значение имеют современные аспектологические исследования, базирующиеся на обширном языковом материале.

3. Один из аспектов категоризации — типы ГК, выделяемые по признаку *коррелятивности*. Возможен следующий вариант классификации: а) категории последовательно коррелятивные, б) непоследовательно коррелятивные, в) некоррелятивные. Понятие коррелятивности в рассматриваемом истолковании охватывает не только формы одного и того же слова, но и формы разных слов (ср. формы глагольного вида: *переписать* — *переписывать*, *писать* — *написать* и т. п., а также залоговые формы типа *рассматривать* — *рассматриваться*). Непоследовательно коррелятивные категории (вид и залог глагола, число имен существительных, степени сравнения прилагательных и наречий), не будучи словоизменительными, характеризуются возможностью соотносительности их компонентов в рамках одного и того же лексического значения (ср. видовые пары типа *строить* — *построить*). Некоррелятивной является категория рода имен существительных. Лексико-грамматические классы и разряды могут определять соотносительность / несоотносительность компонентов определенной ГК. Так, от отношения глаголов к признакам предельности / неопределенности и от способов действия зависит видовая соотносительность / несоотносительность; принадлежность к группировкам переходных / непереходных глаголов, а также к разрядам возвратности определяет соотносительность / несоотносительность актива и пассива.

4. При рассмотрении лексико-грамматических связей в системе функциональной грамматики важную роль играет понятие «**функционально-семантическое поле**» (ФСП). Анализируемые поля (аспектуальность, темпоральность, таксис, персональность, залоговость, качественность, локативность, бытийность, посессивность и др.) представляют собой системы языковых средств, служащих для выражения вариантов определенной семантической категории. Говоря об аспектуальности как ФСП, мы имеем в виду систему взаимодействующих языковых средств (морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексических), связанных с выражением характера протекания действия во времени. Грамматическим центром данного поля в русском и других славянских языках является категория вида. Доминирующую роль в сфере аспектуальности играет отно-

шение к признаку лимитативности. Различные элементы этой семантики лежат в основе ГК вида и аспектуальных классов предельных / неопределенных глаголов. Анализируются связи между категорией вида и способами действия, а также группировками глаголов, выделяемыми на основе аспектуальных признаков в лексическом значении (ср. глаголы состояния и отношения). Учитывается отношение к обстоятельствам типа *долго*, *медленно*, *постепенно*, *вдруг*, *внезапно*.

5. Исследование речевых реализаций ФСП связано с анализом **категориальных ситуаций**. Имеются в виду выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры, а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее ФСП; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации; в) являющиеся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания (ср. ситуации аспектуальные, темпоральные, таксисные, персональные, кваликативные, локативные, бытийные и т. п.). При использовании понятия «аспектуальная ситуация» в центре внимания находится аспектуальная характеристика высказывания. Описание категориальных ситуаций включает анализ воздействия лексических единиц, выступающих в роли обстоятельств, на грамматические формы глагола-сказуемого. Обусловливается употребление именно данной формы и исключается свободный выбор (так, после сочетаний *Он долго...* и *Он часто...* возможно *болел*, но не *заболел*). Представляется актуальным сопоставительный анализ поля аспектуальности и аспектуальных ситуаций в языках разных типов.

6. При анализе грамматико-лексического взаимодействия может быть использовано известное в теории системных исследований понятие «**среда**»; речь идет о связях системы и среды. По отношению к той или иной ГК как исходной системе среда представляет собой комплекс языковых и смысловых элементов, играющих роль окружения, которое может влиять на компоненты данной системы и на реализацию относящихся к ней значений и функций. По отношению к категории вида в роли системно-языковой среды, представленной в той или иной речевой реализации, выступают следующие элементы: а) ГК, взаимодействующие с видом (в частности, время, наклонение и залог); б) представленные в глаголах типы лексических значений, воздействующих на варианты видовой семантики; в) разряды предельных / неопределенных глаголов и способы действия. Речевую среду представляют конкретные варианты лексических значений употребляемых глаголов, компоненты контекста (ср. обстоятельства типа *долго*, *вдруг*, *постепенно*, *часто*) и элементы речевых ситуаций (ср. ситуации рассказа, побуждения, вопроса, предположения и т. п.).

7. Изучение глагольного вида в его отношении к лексике связано с анализом **инвариантности / вариативности** рассматриваемых значений. Представляется обоснованным известное истолкование категориальных видовых значений на основе принципа привативной оппозиции. Существенно сочетание связанных с совершенным видом семантических признаков «ограниченность действия пределом», «неделимая целостность действия» и «возникновение новой ситуации». Вариативность охватывает многоуровневую систему аспектуальных функций в разных типах высказываний и текстов.

О роли признака проспективности в определении видо-временного значения перформативов¹

Д. П. Войводиц

Университет г. Нови-Сад (Нови-Сад, Сербия)

Перформативы, видо-временное значение, признак проспективности, русский и другие славянские языки

Summary. In this paper we discuss aspectual-temporal characteristics of performative verbs in Russian and other Slavic languages, use of which signals self-referential speech acts, where the spoken word and action match. We argue that the performative verbs in such constructions can only use the forms and grammatical structures with prospective meaning — the Present Imperfective, Present / Future Perfective, Potential, and modal constructions with infinitive of performative verbs of perfective aspect.

Перформативные высказывания, произнесение которых равнозначно совершению действия, лексически представляются небольшой и относительно закрытой группой слов (*verba dicendi*). Они являются одной из актуализационных категорий, в реализации которой существенную роль играет «отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего» [Теория функциональной грамматики... 1990: 6].

Хотя перформатив в чистом («каноническом») виде можно представить только формой наст. вр. НСВ, он, несмотря на это, не имеет ни одного из частных значений НСВ, которые обычно выделяются в аспектологических исследованиях. Также, вопреки присущему ему значению «результативности», благодаря которому можно его приравнять к инвариантному значению СВ, он не имеет ни одного из частных значений, характерных для СВ. Исходя из такого неопределенного положения перформативных глаголов и соответствующих высказываний-действий Ю. Д. Апресян их видо-временное значение называет «процессуально-точечным», подчеркивая при этом, что «время перформативного высказывания и, следовательно, выполняемого тем самым действия, — это период, а не момент. Точечность, моментальность характеризует не перформативное высказывание и соответствующее ему действие, а лишь положение вещей, являющееся их результатом» [Апресян 1995: 240].

В связи с данной аспектуальной спецификой перформативов, теснейшим образом связанной с двумя взаимно несовместимыми видовыми значениями — актуально-длительным НСВ и конкретно-фактическим СВ, в реализации которых используются разнообразные средства, хотелось бы кратко затронуть некоторые вопросы, касающиеся отдельных характеристик грамматических средств, выражающих иллокутивную часть перформативного высказывания (и тем самым категориальную ситуацию настоящего перформативного). При этом более подробно следует остановиться на анализе одного из этих средств — севернославянского (восточно- и западнославянского) презенса СВ и его южнославянского (в первую очередь сербского) эквивалента — футурума СВ, вызывающих некоторые затруднения при истолковании и описании аспектуально-темпоральных характеристик в их перформативном употреблении. Напомним, что статус данного употребления уже в течение многих лет вызывает особый интерес в славистике; см., напр., работы С. Шкрабца (1903, 1906–1912), Э. Кошмидера (1934), А. Мусича (1935), Ю. Д. Апресяна (1986, 1988), А. В. Бондарко (1990), И. Ж. Жагара (1989), А. Дерганц (1996, 1998), Е. В. Падучевой (1998), М. А. Шелякина (2008), Е. В. Петрухиной (2009), Д. Войводица (2010) и др.

Следует отметить, что в севернослав. яз. рассматриваемое употребление ограничено лишь несколькими глаголами речи, обладающими, как правило, футуральной (проспективной) пропозициональной валентностью. Такой перформативной способностью отличаются, например, русские глаголы *попросить*, *(по)советовать*, *поспорить*, *пожелать* и т. п. и их эквиваленты в других севернославянских языках; ср.: *Azazelo <...> сказал сурово: — Попрошу вас минутку помолчать* (Булгаков) ('прошу тебя'); *Poproszę, aby pani na chwilę przestała mówić* (Bulhakow) ('proszę cię').

Вопрос функциональной нагрузки презенса СВ в южнославянских языках гораздо сложнее, так как эти языки, когда речь идет о перформативном плане, ведут себя по-раз-

ному. В словенском языке данная форма, благодаря своей неполной грамматикализованности, обладает более широкими функциональными возможностями, нежели та же форма в севернославянских языках (см., напр., [Derganc 1996]); ср. перформативное употребление глагола *obljubiti* ('пообещать'): *Obljubljam / obljudim, da bom prišel jutri spet* ('обещаю тебе'; букв. *'пообещаю тебе'). В сербском, болгарском и македонском языках, в отличие от севернославянских (а также словенского) языков, перформативное употребление презенса СВ не встречается. Его эквивалентом является футурум СВ, образующийся, как и севернославянском презенсе СВ, лишь от нескольких перформативов с проспективной семантикой; ср. сербские эквиваленты вышеприведенных примеров на русском и польском: *Zamoljhu vas da umuknete na trenutak* (Булгаков; пер. наш. — Д. В.) ('молим те').

Мы считаем, что здесь речь идет все же не об актуальном настоящем (в его традиционном понимании, как это можно было бы заключить на основании ситуации в словенском и севернославянских языках), а о проспективных синонимических корреляциях презенса НСВ (как темпорально немаркированной формы, употребляющейся во всех синтаксических позициях) и других грамматических форм (а также различных модальных конструкций) с семантико-синтаксическим признаком проспективности, какими являются, в первую очередь, футурумные формы СВ (севернославянские и словенский презенс СВ, южнославянский футурум СВ) и формы сослагательного наклонения (подробнее об этом см. [Войводиц 2010]).

Применением перформативной формулы признак перфективности (СВ) как бы стирается, т. е. морфологические видо-временные свойства глагольных форм нейтрализуются (поэтому такие формы не могут обозначать будущее время). Кроме того, формы презенса СВ (севернославянские грамматикализованные формы будущего времени СВ), а также и все другие перформативные формы (южнославянские, в том числе и сербский футурум СВ, форма сослагательного наклонения) и конструкции, теряют и темпоральные характеристики актуального настоящего. Таким образом, остается лишь (атемпоральная) результативность действия и признак обобщенной грамматической проспективности. Мы предполагаем, что именно этими особенностями выражения категории футуральности в славянских языках можно объяснить статус приведенных форм в перформативном употреблении, и вместе с тем, опосредованно, указать на роль еще одного семантического компонента (проспективности), являющегося составной частью видо-временного значения перформативов.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Войводиц Д. Об употреблении и значении совершенного вида в перформативных предложениях-высказываниях в славянских языках: опыт типологической дифференциации // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы / Отв. ред. О. И. Сгибнева, Н. А. Туликова. Волгоград, 2010. С. 175–191.
- Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
- Derganc A. Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprašanju glagolskega vida v performativnih izjavah v slovanskih jeziki) // Zbornik Brižinski spomeniki / Red. J. Kos et al. Ljubljana, 1996. S. 185–192.

¹ Исследование выполнено в рамках научных проектов № 178002 и № 178021, поддержанных Министерством образования и науки Республики Сербии.

Аспектуальность и славянский вид

М. В. Всеволодова, Д. Н. Шпагина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Категория аспектуальности — лингвистическая универсалия. Можно с уверенностью утверждать, что она представлена во всех языках и наречиях мира. Но о глагольном виде можно говорить только в случае, если для одного действия есть две лексемы типа *решить* — *решить*, *видеть* — *увидеть*, *говорить* — *сказать*. Специфика глагольного вида состоит в том, что в отличие от невидовых языков, где разные аспектуальные значения передаются соответствующими формантами, придающими одной лексеме разные аспектуально-временные значения, в славянском виде нет ни одного форманта, однозначно маркирующего то или иное значение или, хотя бы, сам вид. Одна и та же лексема в разных ЛСВ может иметь разный вид: *Он быстро бежал* (НВ) и *Из тюрьмы бежал преступник* (СВ). Ядро категории аспектуальности составляют глаголы логической предельности, входящие в формулу Ю. С. Маслова «делал, делал, да не сделал», «делал, делал и, наконец, сделал». Во всех языках есть способы выражения достижения предела. Так, в китайском, где нет словоизменения, сочетание *построил дом* выражается как *начинать строить, строить и кончать строить дом*; в иранских языках, где есть формы времени, но нет категории вида соответственно: *начинал строить, строил и кончал строить дом*; что, кстати, точно совпадает с мета-интерпретацией совершенного вида этого разряда у М. Я. Гловинской. Специфика вида определяется наличием в славянском глагольном слове не только лексических, но и имплицитных **грамматических сем**, тесно сотрудничающих с некоторыми лексическими семами, то есть можно говорить о двух уровнях семантики. Можно предположить,

что у всех глаголов логической предельности как НВ, так и СВ состав грамматических сем можно определить как ‘процессность’ + ‘результативность’; Все другие глаголы НВ (в докладе покажем операциональные методы) имеют семы либо ‘процессность’, либо ‘повторяемость’. Сема процессности не дифференцирована относительно единичности / повторяемости. Пока о всех глаголах СВ, не входящих в разряд логически предельных, можно сказать, что им свойственна класс-сема ‘одноактность’. Подразряды этой класс-семы еще нужно выявить. Это может быть и начало действия: *увидеть, заметить*; и однократность: *прыгнул, крикнул*; и действие в его целостности: *показал, сообщил*; ср. неотмеченность: **показывал, но не показал, *сообщал, но не сообщил*. Помимо глагольного вида и в рамках этой категории существует категория **способов глагольного действия**, где, в отличие от самого вида, определенное значение вносятся формантами — аффиксами, что было показано в 1976 г. Н. С. Авиловой. Это семы лексические, влияющие, однако, на функционирование вида. Так лексическая сема ‘временная протяженность’, вводимая приставкам *про-, по-, от-* предопределяет возможность употребления СВ с винительным темпоральным типа *просидел два часа, отсидел пять лет, поговорили несколько минут*. Здесь действует закон семантического согласования (Теньер, Гак). Грамматическая класс-сема таких глаголов, пока для нас, ‘одноактность’. Соотношение лексических и грамматических сем для каждого ЛСВ любого глагола можно и нужно выявить и найти способ их формального представления. Без этого все попытки описать вид не дадут практического результата.

Ингрессивные и моментативно-непредельные русские глаголы: сходства и различия

Е. В. Горбова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Summary. The paper discusses the principles of lexical-aspectual classification of Russian verbs and analyses the interrelations between two classes — ingressive verbs and momentative-atelic verbs. Evidence is given that these classes are differentiated by the “migrating” feature of causal relation between subevents.

Ингрессивными глаголами (= ингрессивами на стативной и процессивной основе; в [Татевосов 2005] предложены следующие термины для соответствующих акциональных классов: ингрессивно-непредельные глаголы: <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}>, {ПРОЦЕСС}> и инцидентивно-стативные глаголы: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}>, {СОСТОЯНИЕ}>) и моментативно-непредельными (= двухкомпонентными: моментативно-стативными и моментативно-процессивными) глаголами здесь названы глаголы двух типов сложных аспектуально значимых семантических структур, включающих в себя более одного подсобытия (подробнее в [Горбова 2010: 20–31]). Оценка аспектуально релевантного семантического потенциала глагольной лексемы (в других терминах — ее акциональной характеристики) реализуется в рамках видовой пары, определяемой по критерию Маслова, (см. [Зализняк, Микаэля, Шмелев 2010], [Горбова 2011]; о случае неприменимости критерия Маслова к чистовидовой паре моторно-кратных глаголов в двунаправленном значении типа *ходить* ~ *сходить за хлебом* в [Апресян 2011: 7]).

Оба класса: ингрессивы и моментативно-непредельные глаголы (от различий между стативностью и процессуальностью одного из подсобытий мы временно абстрагируемся), представлены чистовидовыми парами в рамках отдельных лексем. Описание интересующих нас глаголов в аспектологической литературе: глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта» [Маслов 1948 / 2004: 86, 88]; перфектные пары в [Падучева 1993 / 1996: 152–160]; периферийные видовые пары в [Гловинская 1982], [Гловинская

2002]. Сопоставление предлагаемой трактовки с указанными выше будет включено в доклад. Начнем рассмотрение этих классов с процедуры их (совместного) отделения от других парных глаголов. Первым шагом является применение теста на способность / неспособность имперфективной и перфективной форм глагола выражать противопоставление по линии ‘попытка — успех’, ‘тенденция — осуществление’, «проявляющаяся в таких, в частности, контекстах, как *ловил, но не поймал, — ловил, пока не поймал, — ловил и, наконец, поймал*» [Маслов 1948 / 2004: 83]. Ср.: ^{OK}*собирать, но не собрать (кнопки)* и ^{OK}*дочитывать, но не дочитать (книгу)* при **находить, но не найти (ключи)*, **приходить, но не прийти*, **понимать, но не понять (задание)*, **возглавлять, но не возглавить (партию)*, **обижаться, но не обидеться (на шутку)* и **ощущать, но не ощутить (ужас)*. Проходящие этот тест глаголы соответствуют классу Accomplishments [Vendler 1967], и в рамках предложеной концепции названы, вслед за В. П. Недялковым [Недялков 1986], терминативами. На втором этапе выявляются моментативы (Achievements у З. Вендлера, термин также принадлежит Недялкову): моментативная пара ограничивается от всех прочих по неоднократно отмечавшейся в литературе невозможности употребления формы НЕСОВ в настоящем актуальном, понимаемом как аналог типологически интерпретируемой граммемы прогрессива в рамках презенса, ср.: **смотри, вот он приходит сюда (находит ключи)*. По завершении данной процедуры, оставшиеся чистовидовые пары могут быть подвергнуты последнему разграничению — на обсуждаемые классы. Ингрессивная и моментативно-не-

предельная (моментатив + статив или моментатив + процессив) пары различаются следующим: единственно возможным значением формы СОВ ингрессива является фиксирование начала той ситуации, которая обозначается формой НЕСОВ, в то время как форма СОВ моментативно-непредельного глагола может обозначать как целостную ситуацию, так и начало той ситуации, относительно которой нельзя с уверенностью сказать, была ли она завершена. Ср.: *вчера он возглавил кафедру* (следовательно, сегодня он ее возглавляет), *вчера он, наконец, понял меня* (следовательно, теперь он меня понимает) — ингрессивные видовые пары; *вчера он сильно обиделся на меня* (возможно, он и сегодня обижается, а возможно, что нет) — моментативно-непредельная видовая пара.

Обратимся к анализу сходств и различий между ингрессивным и моментативно-непредельным классами. У этих классов есть несколько интегральных признаков и всего одно различие. К интегральным относится структурная двухкомпонентность и идентичность составляющих одну и другую структуру компонентов: и в том, и в другом случае объединяются такие примитивы, как непредельный процессив (или статив) и предельный моментатив. Дифференциальным признаком является тип отношения между двумя примитивами (и компонентами обеих сложных структур): их принципиальная взаимная независимость в случае моментативно-непредельного класса и отношение каузации, характерное для ингрессивного. Каузация обуславливает жесткий порядок следования компонентов, являющихся подсобытиями сложного события. Отсюда принципиальное предшествование моментативной составляющей, которая каузирует последующую непредельную ситуацию, у ингрессива. Это означает, что при невыделенности, «затушеванности», единственного дифференциального признака возникают условия для объединения этих классов.

Думается, что принципиальным для отнесения к моментативно-непредельному классу является возможность интерпретации глагольной лексемы в перфективной форме как обозначающей целостное событие, а не начало некой ситуации, последующая стадия которой может быть обозначена имперфективной формой того же глагола. Для ингрессивного же глагола доступна только одна интерпретация в перфективе — обозначение начала ситуации, но не целостного действия. Из этого вытекает немаловажное обстоятельство: моментативно-непредельный глагол может иметь ингрессивную интерпретацию в перфективе, а ингрессивный глагол не может иметь целостную моментативную интерпретацию, не каузирующую последующего состояния или процесса. Моментативно-непредельный глагол *увидеть / видеть* в высказывании *Слушай, он тебя увидел!* может получить ингрессивную интерпретацию 'увидел и теперь видит', а для

ингрессивного глагола *возглавить / возглавлять* в рамках предложения *Он вчера возглавил этот комитет* интерпретация предиката как обозначающего целостное событие с кульминацией, т. е. с достижением правого предела, после которого ситуация завершена в том смысле, что последующая ситуация будет называться уже другим глаголом, — оказывается невозможной. Причиной этому, по-видимому, является «энциклопедия» говорящего: если *X возглавил Y*, то *X возглавляет Y* некий разумный период времени, который не может измеряться в секундах (ни, нормально, в минутах). Вывод: каузация как связь между двумя акциональными примитивами, общими и для ингрессивного, и для моментативно-непредельного класса, постоянно присутствует в первом случае и является «мигрирующей» характеристикой во втором. Если рассматривать противопоставленные этих двух классов как привативное, то маркированным членом противопоставления, характеризующимся выраженностью признака каузации, будет ингрессив, а немаркированным, с невыраженностью данного признака — моментативно-непредельный класс.

Литература

- Апресян Ю. Д. Вид в активном слове русского языка // Тезисы III Конференции комиссии по аспектологии Международного Комитета славистов «Глагольный вид: грамматическое значение и контекст», 30.09–4.10.2011. Падуя, 2011. С. 4–9.
- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская М. Я. Периферийные видовые пары и их отличия от способов действия // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002. С.54–67.
- Горбова Е. В. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы: вопросы взаимодействия. СПб., 2010.
- Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20–45.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 7. 1948. С. 303–316; Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 71–90.
- Недальков В. П. Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 124–135.
- Падучева Е. В. Перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 111–120; Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 152–160.
- Татевосов С. Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 109–141.
- Vendler Z. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca, N. Y., 1967.

О перформативах в словенском языке

А. Дерганц

Университет в Любляне (Любляна, Словения)

Summary. Performatives in Slovene. In Slovene performative verbs are frequently used in the perfective aspect (e. g. *obljubim* — I promise). Yet the use of perfective or imperfective aspect (or both) can't be predicted, it depends on each individual verb. In the paper the aspectual behaviour of some performative verbs will be described based on data from the Slovenian National Corpus.

Известно, что в словенском языке глаголы в перформативном значении очень часто выступают в совершенном виде, кажется, что чаще, чем в остальных славянских языках. Такое употребление можно отметить уже в Фрейзнгских отрывках: *iaz ze zaglagolo Zlodeiu* («я отрекаюсь от дьявола»). То же самое можно отметить в современном словенском языке. Многие глаголы в перформативном употреблении выступают в СВ виде: *obljubim, prisežem, vdam se, dam...* («обещаю», «клянусь», «сдаюсь», «даю»...). Так как Миклошич думал, что тут речь идёт об употреблении перфективного презенса в значении актуального настоящего, он считал, что здесь можно усмотреть влияние немецкого языка на словенский. Станислав Шкрабец в своих работах в конце XIX и начале XX века пытался объяснить это явление на основании значения этих

глаголов и называя такое употребление *praesens effectivum* в принципе описал перформативное употребление глаголов.

Но далеко не все глаголы в словенском языке в перформативном употреблении выступают в совершенном виде. Некоторые глаголы могут выступать в обоих видах (например: *obljubiti* — *obljubljati, priseči* — *prisegati*), некоторые только в СВ виде (*vdam se*), а некоторые только в НСВ (*predlagam, prosim*). Как пишет Апресян в связи с русским языком, возможность употребления перформативных глаголов в том или ином виде является особенностью каждого глагола отдельно и это нужно отметить в словаре.

В докладе предполагается на базе данных из корпуса словенского языка уточнить употребление отдельных перформативных глаголов в том или ином виде и попытаться уста-

новить, есть ли различие в значении в случаях, в которых возможно употребление обоих видов.

Литература

- Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988. С. 57–79.
- Derganc A. Несколько заметок в связи с перформативными глаголами в русском и словенском языках // Filologija. 20–21. 1992–93. С. 67–74.

- Derganc A. Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprašanju glagolskega vida v slovanskih jezikih v performativnih izjavah) // Zbornik Brižinski spomeniki. Ljubljana, 1996. S. 185–193.
- Derganc A. Некоторые отличия в употреблении глагольного вида в русском и словенском языках // Категории на глаголската множественост во словенските и несловенските јазици. Скопје, С. 29–34.
- Škrabec S. Zum Gebrauche der Verba perfectiva und imperfectiva im Slovenischen // Archiv für slavische Philologie (Berlin). XXV. 1903. S. 554–564.

Видовые значения финитных и нефинитных форм глаголов нестандартных пространственных положений

С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Глагол, тематический класс, финитная форма, нефинитная форма, вид

Summary. The report addresses particular aspect meanings of finite and nonfinite forms of two Russian verb lexemes denoting non-standard human body positions: oblokotit's'a / oblokačivat's'a 'lean elbow on smth.' and nagnut's'a / nagiбат's'a 'stoop'. The authors believe that these lexemes represent two different subclasses of the Nonstandard Spatial Positions Class and demonstrate differing aspectual features characteristic of their subclasses.

Предмет рассмотрения настоящего доклада — два подкласса русских глаголов, входящих в тематический класс «Нестандартные пространственные положения тела человека». Первый подкласс образуют парные глаголы типа *прислониться / прислоняться, облокотиться / облокачиваться, опереться / операться, упереться / упираться, перегнуться / перегибаться*, а второй подкласс — глаголы типа *наклониться / наклоняться, нагнуться / нагибаться, склониться / склоняться, пригнуться / пригибаться, согнуться / сгибаться*. Оба эти подкласса объединяет то, что глаголы, входящие в них, обозначают именно **нестандартные** пространственные положения тела человека (т. е. такие, которые определенным образом трансформируют **базовые стандартные** положения, обозначаемые глаголами *стоять, лежать, сидеть*. В свою очередь, разделение глаголов, обозначающих нестандартные пространственные положения, на два подкласса происходит из того, что их толкование включает не вполне одинаковые наборы семантических ролей. Так, толкование лексем первого подкласса (*прислониться / прислоняться* и др.) включает Агенса, Рабочую часть и Опору (1), а толкование лексем второго подкласса (*наклониться / наклоняться* и др.) — роли Агенса, Рабочей части и Конечной точки (2).

- (1) *Петр Петрович* (Агенса) *опять закрыл глаза и прислонился влажным лбом* (Рабочая часть) *к стене* (Опора) (В. Пелевин. Тарзанка)
- (2) *Тушин* (Агенса), *сидя, согнулся корпусом* (Рабочая часть) *вперед...* (И. Гончаров. Обрыв). [Актант Конеч-

ная точка является реальным, но закадровым (виртуальным) участником ситуации. В тексте могут появиться лишь сирконстанты, обозначающие, в каком направлении Агенса совершает движение Рабочей частью типа *наклонился вперед / вправо / влево*.]

Анализ этих классов будет проводиться на примере лексем *облокотиться / облокачиваться* и *нагнуться / нагибаться*, представляющих данные подклассы. Этим лексемам даются следующие толкования:

Облокотиться / облокачиваться 'стоя, сидя или лежа, человек, выполняющий роль Агенса, двигает (прототипически) локоть / локти / руку / руки (но не одну кисть руки), выполняющую роль Рабочей части, до тех пор, пока Рабочая часть не вступит в контакт с каким-либо предметом или человеком, играющим роль Опоры.

Нагнуться / нагибаться 'стоя, сидя или находясь в движении, человек, выступающий в роли Агенса, приводит в движение торс, выполняющий роль Рабочей части, сгибая его в пояснице и опуская его вперед / назад / вправо / влево, и прекращает движение, как только он достигает Конечной точки.

Иными словами, толкования этих лексем, а соответственно и всех лексем рассматриваемых подклассов, различается в том, что в первом случае имеет место контакт Рабочей части с предметом или человеком (т. е. появляется Опора), а во втором случае такого контакта нет.

Национальный корпус русского языка позволяет получить следующие данные о частоте употребления финитных и нефинитных форм интересующих нас лексем.

	Всего	Финитные	Нефинитные			
			деепричастия	причастия	инфинитив	императив
Формы НСВ	73	34	27	0	12	0
Формы СВ	1041	326	676	21	18	0

Таблица 1. Частота употребления форм лексемы *облокотиться / облокачиваться* по данным НКРЯ

	Всего	Финитные	Нефинитные			
			деепричастия	причастия	инфинитив	императив
Формы НСВ	703	340	242	8	96	17
Формы СВ	2897	1992	625	57	150	73

Таблица 2. Частота употребления форм лексемы *нагнуться / нагибаться* по данным НКРЯ

Таблицы показывают, что рассматриваемые лексемы существенно различаются в том отношении, что у глагола *облокотиться / облокачиваться* финитные формы составляют лишь 32,3% всех употреблений, а у *нагнуться / нагибаться* — 64,7% употреблений.

Отметим также, что для *облокотиться / облокачиваться* самая частотная форма — это деепричастие СВ (примерно 60 % всех употреблений). Вторая по частоте форма этой лексемы — финитная форма СВ (29% всех употреблений).

Что касается лексемы *нагнуться / нагибаться*, то здесь самой частотной оказывается финитная форма СВ (55,3%

употреблений). Вторая по частоте форма — деепричастие СВ (17,3%).

В докладе будут подробно рассмотрены частные видовые значения наиболее частотных финитных и нефинитных форм лексем *облокотиться / облокачиваться* и *нагнуться / нагибаться*. Авторы полагают, что полученные результаты адекватно отражают аспектуальную специфику всех лексем, входящих в оба подкласса тематического класса «Нестандартные пространственные положения тела человека».

К аспектуальной семантике диатетических глаголов: *собирался, но не собрался*

Анна А. Зализняк

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Диатетическими, вслед за Ш. Балли [Bally 1942], я называю группу глаголов, обозначающих ту или иную установку субъекта относительно собственного действия (единичного или родового), обозначенного подчиненным инфинитивом: *хотеть, надеяться, собираться, стараться, лениться, бояться, стесняться, норовить, спешить, успеть, умудриться, решиться, забыть*, и т. п. <что-л. (с)делать>. (Некоторые из них входят в видовые пары, другие являются непарными.) Эти глаголы, обозначающие базовые категории рефлектирующего сознания, обладают разнообразными интересными семантическими особенностями (многие из них уже стали объектом лингвистического исследования). Диатетические глаголы характеризуются также рядом нетривиальных аспектуальных свойств. Например, многие глаголы сов. вида, принадлежащие этому классу (*полениться, побояться, успеть, умудриться, поспешить* (в одном из значений), *постараться* и др.), не имеют самостоятельной ассерции — в ассертивной зоне их значения имеется лишь компонент, указывающий на наличие или отсутствие действия, обозначенного инфинитивом. Другое интересное свойство: зависимость импликации истинности подчиненной пропозиции от вида выражающего ее глагола в инфинитиве: *стесняется об этом рассказать* (СВ) означает, что (до сих пор) не рассказал, а *стесняется рассказывать* (НСВ) ничего не означает: может быть уже рассказал (испытывая при этом чувство стеснения), а может быть и нет. (См. [Зализняк 1992], [Зализняк, Левонтина 1996].)

Предметом данного сообщения будут два глагола — *собираться* и *забыть*, обладающие уникальными аспектуальными свойствами (которые при этом хорошо вписываются в некоторую более общую картину).

собраться — собираться

Глаголу *собираться* <что-л. сделать> может быть сопоставлена следующая концептуальная схема: 'человек находится в промежутке времени между принятием решения и его осуществлением'. При этом имеется два варианта ее реализации.

Простое значение намерения как внутреннего состояния возникает в том случае, когда семантический компонент принятия решения является ассертивным, а компонент, отражающий тот факт, что вторая точка еще не пройдена, т. е. действие еще не осуществлено, — условием уместности. Например:

(1) *Он собирается жениться (покупать дачу, уезжать в Америку).*

В этом случае глагол *собираться* практически синонимичен не только глаголу *намереваться*, но и глаголу сов. вида *собраться*: про всякого человека, который *собирается жениться (покупать дачу, уезжать в Америку* и т. д.) верно также, что он *собрался* это сделать, и наоборот. Глагол *собираться* в этом значении входит в перфектную видовую пару: соответственно, глагол несов. вида обозначает некоторое внутреннее состояние, а глагол сов. вида — переход в это состояние.

Глагол *собираться* имеет, однако, и другое, лингвоспецифичное процессное значение (описанное в [Зализняк, Левонтина 1996]), которое может быть проиллюстрировано следующими примерами:

(2) *Я уже целый час лежу и собираюсь встать.*

(3) — *Что ты сегодня делал?*

— *Да вот все утро собирался сесть работать, а потом гости пришли.*

(4) *Царь недолго собирался —*

В тот же вечер обвенчался. (Пушкин)

(5) *Оля, дорогая, едь скорее. Станция «Корф». Это будет так хорошо. Я прямо не верю. И не собирайся. Ради Бога завтра же!* (Б. Пастернак. Письмо Ольге Фрейденберг, 10 июля 1910 г.)

(6) *Собираюсь, да все никак не соберусь.*

Это значение включает два семантических сдвига (по сравнению со значением намерения). Первый состоит в том, что смысловой компонент 'X еще не совершил P' повышает свой статус: из условия осмысленности он превращается в полноценный семантический компонент, который может становиться фокусом ассерции — как в примере (5). Одновременно происходит другой, чисто смысловой сдвиг: размывается сама идея принятия решения — оно как бы расщепляется на два этапа: что-то вроде (i) 'это надо сделать; я когда-нибудь это сделаю' и (ii) 'я это сейчас сделаю'. И *собираться* в этом значении описывает состояние не между принятием решения и его осуществлением (как в значении намерения), а между этим первым и этим вторым этапом принятия решения. И тогда *собираться* превращается в квазипроцесс мобилизации сил, «собрания» их в одном месте (аналогично тому, как человек собирает и складывает вместе вещи, необходимые ему в путешествии). Этот процесс является предельным, и пределом его оказывается событие *собраться* (т. е. собрать достаточно внутренних ресурсов, чтобы перейти к этапу 'я это сделаю'). И здесь уже *собираться* и *собраться* оказываются не просто не взаимозаменяемы, а вступают в отношение «процесс — результат этого процесса», причем результат не автоматический: пара *собираться — собраться* уподобляется предельным парам подтипа «попытка — успех» ([Маслов 1984: 59–61], ср. также [Гловинская 1982: 89]: тип 'действовать с целью — цель реализована'). т. е. парам типа *решать — решить*. Поэтому оказывается возможной на первый взгляд парадоксальная формула *собираюсь, но никак не соберусь* (ср. *решил, но не решил*).

Если человек преодолел этот самый трудный этап в совершении действия, про него говорят: *собрался*. При этом замечательно, что в слове *собрался* остается не выраженным, было произведено действие или нет: если *собрался*, то в некотором смысле главное позади, так что не важно, уже сделал или вот-вот сделает. Поэтому *собраться* в буд. времени или в императиве часто употребляется вместо обозначения самого действия, ср. практически синонимичные предложения *Когда же ты наконец соберешься записаться в библиотеку?* и *Когда же ты наконец запишишься в библиотеку?*

Отнесение пары *собраться — собираться* к типу предельных является все же несколько условным, поскольку *собираться* описывает не только «квазипроцесс», но одновременно также и состояние. Особенность этого глагола состоит, в частности, в отсутствии жесткой границы между типом употребления, при котором формы сов. и несов. вида обозначают одно и то же состояние, и таким, где *собирается* не только не равно, но и отчетливо противопоставлено *собрался*: Говоря, что кто-то *собирается нечто сделать*, мы не можем сразу с уверенностью сказать, входящий в перфектную или в предельную видовую пару глагол мы употребили (другими словами, идет ли речь о состоянии намерения или о процессе «собрания сил»).

Заметим в заключение, что близкая по значению пара *решать — решиться* <что-л. сделать> обладает совершенно иными аспектуальными свойствами: в утвердительной форме это тривиальная пара (*решается* <что-л. сделать> употребляется только в контекстах обязательной имперфективации [Зализняк, Шмелев 2001], и имеет лишь тривиальное событийное значение 'решился'), а в отрицательной — пер-

фектная: *не решается* <что-л. сделать> обозначает вполне определенное ментальное состояние, которое может длиться какое-то время и т. д.

забыть-забывать

Другая пара глаголов, обладающих ярко выраженной индивидуальностью аспектуального поведения, это *забыть* — *забывать*. В этой паре в конструкции с подчиненным инфинитивом нетривиальные аспектуальные свойства обнаруживает, наоборот, глагол сов. вида *забыть* (об аспектуальной семантике глагола несов. вида *забывать* см. подробнее [Зализняк 2008]).

Начнем с того, что существует два типа употребления глагола *забыть* в форме 1-го л. — с и н х р о н н о е, когда человек может обозначить свое состояние фразами типа (7), и р е т р о с п е к т и в н о е, когда человек может сказать про себя *забыл* лишь после того, как он это *вспомнил* — ср. (8), (9):

(7) *Я забыл пароль (его фамилию; куда положил ключи; в каком году это было; что я хотел сказать).*

(8) *Я забыл опустить письмо (позвонить Ивану; взять зонтик).*

(9) *Я забыл, что обещал об этом никому не рассказывать.*

В случае синхронного употребления глагола *забыть* речь идет о выпадении какого-то слова или элемента пропозиции — соответственно, здесь объектом глагола *забыть* может быть имя или придаточное косвенного вопроса — пример (7). При ретроспективном употреблении выпадает вся пропозиция. Интересующая нас конструкция с подчиненным инфинитивом (так же как и с *что*-придаточным) в 1-м лице возможна только в этом типе употребления.

Естественно предположить, что глагол *забыть*, как всякий глагол сов. вида, обозначает с о б ы т и е, т. е. переход в новое состояние: очевидно, от состояния ‘помнить’ к состоянию ‘не помнить’. Вообще события, в том числе ментальной природы, нормально могут быть локализованы во времени. Можно сказать, например:

(10) *в этот момент я обрадовался (удивился, догадался, растерялся и т. п.).*

и это будет означать, что в указанный момент произошел переход в новое состояние. Глагол *забыть* в конструкциях с инфинитивом в таком контексте употреблен быть не может:

(8') **в этот момент я забыл опустить письмо (позвонить Ивану, взять зонтик).*

В тех случаях, когда временной детерминант допустим, он входит в подчиненную, а не в главную пропозицию, ср. (8''):

(8'') *Я забыл вчера в два часа позвонить Ивану.*

За пределами инфинитивной конструкции употребление временных детерминантов возможно, но они тоже не локализуют событие ‘забыл’. При ретроспекции временной детерминант указывает на некоторую точку внутри отрезка, на котором имело место состояние ‘не помню’, ср.:

(9') *В этот момент я забыл, что обещал об этом никому не рассказывать.*

При синхронном употреблении речь также не идет о том, что *в этот момент* произошло событие ‘забыл’: предложение типа (7'), очевидно, означают, что в этот момент я обнаружил, что не помню.

(7') *В этот момент я забыл пароль (его фамилию; в каком году это было; что я хотел сказать).*

Действительно, событие ‘забыть’ (обозначенное конструкцией с подчиненным инфинитивом как и любой другой) в принципе не может быть приурочено ни к какому моменту, и более того, такого события в некотором смысле не существует: ‘забыл’ — это т о л ь к о результирующее состояние. Момент перехода в это состояние не может быть фиксирован: мы можем лишь констатировать, что (хотя еще

некоторое время назад я помнил), сейчас о б н а р у ж и л, что не помню.

Заметим, что точно также устроен глагол *потерять*: *я потерял* <кошелек, перчатку, билет> значит: ‘обнаружил, что в данный момент не имею в своем распоряжении (а раньше имел)’. При этом событие ‘потерял’ не может быть идентифицировано в момент перехода из состояния ‘иметь’ в состояние ‘не иметь’: если я вижу, как у кого-то из кармана выпадает кошелек, и человек, не заметив этого идет дальше, при корректном словоупотреблении я не могу обозначить эту ситуацию словами *Я видел как он потерял кошелек*; надо сказать *выронил* или как-то еще. Ср. комический эффект в следующем отрывке из книги Астрид Линдгрен «Мальш и Карлсон, который живет на крыше»:

— *Где ты только взял все эти пятиэровые монетки? — удивился Мальш.*

— *В кошельке, который я нашел на улице, — объяснил Карлсон. [...]*

— *Значит, кто-то потерял кошелек. Вот бедняга! Он, наверно, очень огорчился.*

— *Еще бы, — подхватил Карлсон. — Но извозчик не должен быть разиней.*

— *Откуда ты знаешь, что это был извозчик? — изумился Мальш.*

— *Да я же видел, как он потерял кошелек, — сказал Карлсон. — А что это извозчик, я понял по шляпе. Я ведь не дурак.*

Как и во всем остальном, в отношении употребления выражения *потерял кошелек* Мальш поступает правильно (он делает умозаключение: *Значит, кто-то потерял кошелек*), а Карлсон нарушает норму.

При этом в переносных значениях легко можно видеть, как *кто-то потерял равновесие* (сознание, самообладание или терпение и т. п.) — аналогично тому, как *в этот момент* можно, например, *забыть всякую осторожность*.

Глагол несов. вида *забывать* в конструкции с подчиненным инфинитивом имеет лишь тривиальное значение. Как уже говорилось, интересные аспектуальные свойства он обнаруживает за пределами этой конструкции; укажем, в частности, возможность возникновения интерпретационного стативного значения, ср.: *Ты забываешь, что я уже не ребенок*. Такое значение возникает лишь в контексте формы 2-го л. и общих суждений в подчиненной пропозиции (о тяготении интерпретационного значения несов. вида к форме 2-го л. см. [Падучева 2006]) Вне этого контекста стативное значение для глагола *забывать* невозможно: *я забываю* не имеет значения, равного *я забыл*.

Литература

- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // Slavistische Beiträge. Bd. 298. München, 1992.
- Зализняк Анна А. Концептуализация памяти и забвения в русском языке // Когнитивные исследования. Вып. 2 / Ред. В. Д. Соловьев, Т. В. Черниговская, М., 2008. С. 209–230.
- Зализняк Анна А., Левонина И. Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992) // Russian Linguistics. Vol. 20. 1996. P. 237–264.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Типы видовой связи // Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. ‘Диалог–2001’. Т. 1. Аксаково, 2001. С. 91–97.
- Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 48–65.
- Падучева Е. В. Глаголы интерпретации: таксономия и аспектология // Od fonemy do tekstu. Prace dedukovane Professorovi Romanowi Laskowskiemu / Eds. I. Bobrowski & K. Kowalik. Kraków, 2006. S. 285–303.
- Bally Ch. Syntaxe de la modalité explicite // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1942. № 2. P. 3–13.

Как определить «моментальные глаголы»? Сопоставительный анализ русских и японских глаголов

Ю. Канэко

(Иватэ, Япония)

Аспект, классификация предикатов, моментальные глаголы, сопоставление

Summary. In this paper, comparing so-called “instantaneous verbs” of Russian and Japanese, we discuss their classifying principles and the morphologic, semantic, lexical distinctions between the languages in question, with special attention to their characteristic behavior in actual context.

Цель нашего доклада — выяснить сходства и различия между так называемыми «моментальными глаголами» в русском и японском языках, выявить факторы и особенности, влияющие на выделение данного лексико-грамматического класса, и, наконец, попытаться наложить класс моментальных глаголов в русском языке на класс японских моментальных глаголов.

Известные аспектуальные классификации предикатов, как правило, строятся на основе деления всех глаголов того или иного языка, в первую очередь, по их формальному, характерному для данного языка, аспектуально значимому признаку, на несколько лексико-грамматических классов глаголов. Таким критерием служит в русском языке видовая парность глаголов [Маслов 1948], в английском языке — сочетаемость глаголов с прогрессивом и обстоятельством срока завершения действия [Vendler 1967], в японском языке — сочетаемость глаголов с дуративом и его семантика [Киндайти 1976]. На их основе, иногда под их взаимовлиянием, исследователями были разработаны собственные варианты аспектуальной классификации предикатов или ситуативных типов [Падучева 1996, и мн. др.]. Ученые, сравнивая классификации, обсуждают особенности той или иной отдельной лексической группы предикатов, отмечают различия между разноязычными группировками. При этом, не смотря на такие сходные, на первый взгляд, аспектуальные признаки, как предельность / telicity, моментальность, длительность / процессуальность, играющие важную роль в подобных классификациях, список лексических единиц, входящих в отдельные классы, варьируется среди исследователей и может совпадать или не совпадать даже на материале одного языка, тем более в разных языках.

Представляется, что одной из проблематичных групп глаголов является список так называемых «моментальных глаголов» (подробно см. [Апресян 1988]). В класс Achievement в вендлеровской классификации относятся глаголы, выражающие одномоментные действия, не имеющие процессуальную фазу, например, *reach* [the summit], *start*, *find*, *win*, *die* [Vendler 1967: 102–103]. Подобное определение группы глаголов можно найти в разряде непарных глаголов СВ в работе Ю. С. Маслова на материале русского языка. Сюда входят глаголы мгновенного, внезапного действия, не поддающиеся процессуализации, такие, как *рухнуть*, *отшуметь*, *заплакать*, *постоять* [Маслов 1948: 310], а также в разделяющем с ними характеристикой «невозможности процессуализации» разряде парных глаголов НСВ — СВ типа *находить* — *найти*, *приходить* — *прийти* [Маслов 1948: 310–311, 315–316]. В японском языке Харушико Киндайти относил в группу моментальных глаголов такие глаголы, которые, сочетаясь в дуративе, обозначают результативное состояние, а не продолжительный процесс. Глагол *сину* ‘умереть’, например, обозначает тот самый момент, когда человек испускает последний вздох; и поэтому, как только начинается *сину*, оно сразу и кончается [Киндайти 1976: 8]. В данную группу входят помимо *сину* ‘умереть’, *овару* ‘кончатся’, *кэконсору* ‘жениться’ такие глаголы, как *моцу* ‘держаться’, *суму* ‘жить’, *сигу* ‘знать’, а также градационные глаголы типа *футору* ‘толстеть’ [Киндайти 1976: 10].

Необходимо иметь в виду, что понятие моментальности вместе с его противоположным признаком длительности не связано с реальным, научным временем, а отражает наивное представление говорящим о мире [Апресян 1974: 56]. Имен-

но это недоразумение стало причиной широко принятой японскими аспектологами позиции избежать употребления термина «моментальных глаголов» [Окуда 1978]. (Я. Окуда возражал против названия «моментальных глаголов» в классификации Х. Киндайти, отметив, что моментальные глаголы типа *футору* ‘толстеть’ в действительности являются довольно длительными процессами с постепенным нарастанием признака, а процессуальные глаголы типа *уцу* ‘бить’, *нагуру* ‘ударять’, наоборот, в реальном мире могут быть кратковременными [Окуда 1978: 38].)

В действительности, многие японские моментальные глаголы, которые в форме дуратива не могут обозначать процесс, могут выражать актуально-длительный «процесс» или предшествующую фазу до наступления результата с помощью других вспомогательных глаголов или оборотов (*футот-тэ ику* ‘толстеет’, *нэмури-какэтэ иру* ‘засыпает’, *сини-цуцу-ару* ‘умирает’). В связи с этим возникает вопрос о том, где грань между «чисто» моментальными глаголами, которые никак не могут обозначать протяженность действия во времени, и теми, которые каким-нибудь образом могут его выражать (ср.: вполне нормальное в русском языке именное словосочетание «процесс нахождения»). Если опираться на критерии Х. Киндайти, нам приходится согласиться с этой большой группой моментальных глаголов и, следовательно, требуется объяснить системные принципы аспектуальной категории японского языка.

В русском языке моментальные глаголы теснейшим образом связаны с граммемой СВ, что естественным образом согласуется с его основным «точечным» представлением действия. При этом от моментальных глаголов категорично отделяют предельные глаголы, которые, образуя прототипические видовые пары, занимают центральное место в аспектуальной классификации русского языка. Эти глаголы обозначают «действие» (в строгом смысле данного слова) как двуплановое явление, сочетающее в себе целенаправленную деятельность с присущим ей внутренним пределом (*открывать* — *открыть*). В аспектуальной системе японского языка, наоборот, особое внимание направлено на стабильные фазы действия (состояние, процесс), а гетерогенность, терминотивность, а также понятия предела и «действия» сравнительно слабо выражаются [Канэко, Петрухина 2004]. С этой характеристикой также связан ряд проблем японских моментальных глаголов.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
 Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988. С. 57–78.
 Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1948. № 4.
 Киндайти Х. Нихонгодо:си-но тэнсу-то асупэкуто (Время и аспект глаголов японского языка) // Нихонго до:си-но асупэкуто. Токио, 1976.
 Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in philosophy. Ithaca (N.-Y.), 1967.
 Канэко Ю., Петрухина Е. В. Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 19–33.
 Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996.
 Okuda Y. Asupekuto no kenkyuu o megutte (Joo) // Kyoiku kokugo. 1978. № 53. P. 33–44.

Видовое противопоставление у глаголов с относительным пределом

Ю. П. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Вид, предельность, лексическая аспектальность, видовые пары

Summary. The paper deals with some aspectual properties of so called «degree achievements» or «gradual completion verbs» such as *rasshirjat* ‘widen’ or *uluchshat*, ‘improve’. Besides, some similarities between the latter and other verb classes are discussed.

Глаголы типа *расширять* или *улучшать* (их называют «degree achievements» [Dowty 1979]; [Hay, Kennedy, Levin 1999], глаголами с «относительным пределом» [Бондарко 1990: 11], «gradual completion verbs» [Bertinetto, Squartini 1995], «градативами» [Падучева 1996]), занимают особое положение среди аспектуально значимых классов глаголов. Соотношения типа *расширять* — *расширять*, *улучшать* — *улучшить* обычно рассматриваются как видовые пары, хотя такого рода процессы не ведут к какому-либо определенному конечному итогу и в этом смысле являются неопредельными. Между тем неопредельность глагола НСВ считается одним из основных факторов, препятствующих образованию видовой пары.

Еще одной особенностью этих глаголов является то, что предложения типа

(1) *Ветер усиливается* (с глаголом НСВ) и

(2) *Ветер усилился* (с глаголом СВ)

чаще всего описывают одну и ту же внеязыковую ситуацию — тенденцию к последовательному возрастанию (или убыванию) некоторого параметра. Связано это, по-видимому, с тем, что эти глаголы включают в свое толкование смысл ‘стать более каким-то’ [Гловинская 1982]; ср. параллельное употребление такого глагола и компаративов в следующем предложении:

(3) *Но стоит провести две-три ночи в лесу, и снова обостряется слух, зорче делается глаз, тоньше обоняние* (К. Паустовский).

А сравнительная степень, как известно, может соответствовать любой абсолютной степени качества.

Различие же между глаголами СВ и НСВ в данном случае состоит в том, что высказывание с глаголом в форме настоящего времени НСВ относит момент наблюдения ситуации к ее срединной фазе, и, тем самым, прямо утверждается, что этот процесс будет продолжаться и в (примыкающем к моменту наблюдения) будущем [Князев 1997: 79–82], тогда как для высказывания с глаголом в форме прошедшего времени СВ такой вывод является результатом мыслительной операции, которую Е. В. Урысон формулирует следующим образом: «Если в сознании субъекта зафиксирована ситуация типа Р, сознание настраивается на то, что еще какое-то время будет фиксироваться ситуация этого типа» [Урысон 2005: 479].

Ближайшими аналогами градативов считаются глаголы со значением неопредельного процесса, имеющие делимитативные или пердуративные корреляты СВ (*работать* — *поработать*, *проработать*): «в обоих случаях предел задается количественно» [Падучева 1996: 119]. В принципе можно сказать, что делимитативы и пердуративы обозначают «двойной переход: вначале от отсутствия действия к действию, названному глаголом, а затем от этого действия, занявшего определенное время, вновь к его отсутствию в более позднее время» [Акимова 1993: 79]. Тем не менее нужно иметь в виду, что «отсутствие действия» в данном случае фактически равнозначно отсутствию фиксированного результата: в это время обязательно что-то происходит, но это «что-то» не предопределяется значением глагола. Не обязательным является даже и само отсутствие действия или состояния по истечении названного временного отрезка. В этом отношении предложения с делимитативами или пердуративами СВ типа

(4а) *Он поспал два часа* или

(5а) *Они прослужили два года*

не отличаются от предложений с соответствующими неопредельными глаголами НСВ

(4б) *Он спал два часа* и

(5б) *Они служили два года* —

однозначный непосредственный однозначный результат в обоих случаях отсутствует; ср.:

(6) *В Матере были постройки, которые простояли двести и больше лет и не потеряли вида и духа, эта едва прослужила полвека* (В. Распутин) и

(7) *Волостной старшина и писарь, служившие вместе уже четырнадцать лет, <...> сидели теперь рядом* (А. Чехов).

С другой стороны, градативы не всегда четко отличаются от предельных глаголами типа *краснеть*, также обозначающих постепенное накопление признака, но предполагающих наличие определенной конечной точки — в данном случае это соответствие эталону красного цвета. Вместе с тем эти две группы глаголов имеют существенный общий семантический компонент: «В каждый из последующих моментов Х имеет свойство Р в большем количестве, чем в каждый предшествующий момент» [Гловинская 1982: 76, 86]. Поэтому в НСВ они могут обозначать практически однотипные ситуации:

(8) *Железная труба, идущая от буржуйки к каминному дымоходу, постепенно накалялась, краснела* (В. Шефнер).

Более того, достижение предела (наступление нового состояния) не всегда влечет за собой прекращение соответствующего процесса и не исключает дальнейшего изменения степени признака ср.:

(9) *Свет, электрический свет, друг и помощник человека в его начинаниях, замигал вдруг, зажелтел, лампочка пожелтела, и все желтей, желтей, желтей, и вот уж один волосок красный, раскаленный, обликот — буква «дабл-ю», «дубль-вэ», от лампочки, от света электрического остался* (Е. Попов);

(10) *Все заметили, что лицо его еще больше потемнело и пожелтело* (В. Дудинцев).

Поэтому резкое противопоставление глаголов типа *усиливаться* и типа *темнеть*, предлагаемое в [Падучева 2004: 56], едва ли оправдано.

Литература

В работе использовался электронный Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Акимова Т. Г. Значение совершенного вида в отрицательных предложениях в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 1.

Бондарко А. В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Князев Ю. П. Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Падучева Е. В. «Накопитель эффект» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5.

Урысон Е. В. Словарная статья местоимения *самый*: лексическая система языка и диахрония // Теоретическая лингвистика и лексикография: Опыт системного описания лексики. М., 1995.

Bertinetto P. M., Squartini M. An attempt at defining the class of “gradual completion” verbs // Temporal reference, aspect and actionality. 1: Semantic and syntactic perspectives. Torino, 1995.

Dowty D. R. Word meaning and Montague grammar. Dordrecht. 1979.

Hay J., Kennedy C., Levin B. Scalar structure underlies telicity in “degree achievements” // Proceedings of SALT-9. 1999.

Семантика глаголов множественно-дистрибутивного и распределительного действия с двойными приставками в современном украинском и русском языках

Н. Н. Медынская

Международный экономико-гуманитарный университет имени академика Степана Демянчука (Ровно, Украина)

Аспектуальность, вид, глаголы множественно-дистрибутивного и распределительного действия, семантика

Summary. Analysis of the data shows that the Ukrainian language, in contrast to the Russian language has far more verbs with double prefixes. Each language differs not only by quantitative composition of verbs of the multiply distributional and distributional action with double prefixes, but also by semantic nuances.

Центр категории аспектуальности составляет грамматическая категория вида. Значение вида дополняют семы, которые объединяются родами глагольного действия.

Глагол в украинском и русском языках свою грамматическую семантику наиболее отчетливо выражает с помощью префиксов. Они указывают на видовое значение, квалифицируют глагол по родам глагольного действия.

Наиболее продуктивными словообразовательными морфемами являются вторичные префиксы *по-*, *за-*, *на-*, *пере-*. Но степень их продуктивности разная.

Особое место занимает приставка *по-*. Словник української мови (СУМ т. 6, 7) фиксирует с этим префиксом более 1000 глаголов множественно-дистрибутивного и распределительного действия, которые передают распространенность его на несколько объектов, осуществления действия несколькими субъектами.

Приставочные морфема *по-* наиболее способна образовывать двойные префиксы: *пооб-*, *поу-*, *пов-*, *пона-*, *пос-*, *попри-*, *поза-*, *попід-*, *поо-*, *попро-*, *понад-*, *поз-*, *попо-*, *пороз-*, *попере-*, *повід-*, *подо-*, *пови-* (в украинском языке); *поот-*, *пооб-*, *поу-*, *попа-*, *пос-*, *попри-*, *порас-*, *поза-*, *повы-* (в русском языке). Глаголы множественно-дистрибутивного и распределительного действия (МДД и РД) с такими префиксами образуются присоединением префикса *по-* к любому приставочному глаголу несовершенного, а изредка и совершенного вида (в украинском языке: *по-ви-хо-ди-ти*, *по-в-ходи-ти*, *по-при-ходи-ти*, *по-за-ходи-ти*, *по-під-ходи-ти*; в русском языке: *по-у-бивать*, *по-о-бивать*, *по-за-бивать*, *по-вы-бивать*, *по-об-бивать*, *по-при-бивать*). Материалом исследования стали 1544 глагола МДД и РД со «Словника української мови» (В 11-ти томах) и 162 глагола со «Словаря современного русского литературного языка» (В 17-ти томах).

В украинском и русском языках вторичные префиксы участвуют в формировании многих значений глаголов МДД и РД.

Одинаковые значения выражают глаголы с приставками *поза-*, *пооб-*, *пов-*, *попри-*, *пона-*, *повы-*, *поу-*, *пос-* как в украинском, так и в русском языках. СУМ насчитывает 1044 глаголы с этими префиксами, ССРЛЯ — 121 глагол. Глаголы с такими приставками указывают на **распределение действия, выполнение его несколькими субъектами**: *повикохувати*, *поусвідомлювати*, *повогодувати*, *пообжиратися*, *поскінчувати*, *позахоплюватися*, *понасувати*, *попривчатися* / *повысыпаться*, *поубить*, *повстать*, *пообвалиться*, *посриватися*, *позаснуть*, *понаестся*, *попримерять*. Например, *повикохувати*, док., перех. Выходить всех или богатых, все или много чего-нибудь (СУМ, 6: 712), *повысыпаться*, сов., разг. Высыпаться. О всех или многих (ССРЛЯ, 10: 149).

Распространенность действия на несколько объектов выражают глаголы с префиксами *поза-*, *пооб-*, *попри-*, *пона-*, *пови-* как в украинском, так и в русском языках: *пообтисувати*, *повисипати*, *поприслати*, *позамотувати*, *понакопувати* / *понаписать*, *позабить*, *поприбить*, *пообломать*, *повыбросить*. Например, *поприколювати*, док., перех. Приколоти до чего-нибудь все или много чего-нибудь (СУМ, 7: 227), *поприбить*, сов., перех., разг. Прибить все или много (ССРЛЯ, 10: 1315).

Пространственное значение указания на движение или перемещение с оттенком интенсивности темпа или периода времени, занятого действием, передают глаголы

с двойными приставками *поза-*, *пооб-*, *пона-*, *пос-*, *поз-*, *попри-*, *пов-* в украинском языке и *пов-*, *повы-*, *попри-*, *пос-*, *поу-* в русском языке: *понаїжджати*, *позавозити*, *позбиратися*, *пооб'їжджати*, *посходитися*, *поприводити*, *повиїжджати*, *повходить* / *повставать*, *повывезти*, *попринаехать*, *посходить*, *поуходить*. Например, *поприходити*, док. Прийти, прийти куди-небудь (про всіх або багатьох) (СУМ, 7: 230) / *попринаехать*, сов., перех., просторен. Наехать. О всех или многих (ССРЛЯ, 10: 1319). СУМ фиксирует 963 таких глагола, а ССРЛЯ только 89 слова.

Значение «внезапность как признак быстрой реакции субъекта» реализуют глаголы с приставками в украинском языке *пос-*, *попри-*, *пови-* *пов-*, а в русском языке *пов-*, *повы-*: *посхоплюватися*, *поприлітати*, *повискакувати*, *повлітати* / *повскакивать*, *повыскачить*. Например, *повискакувати*, док. Швидко або раптово вилетіти, випасти звідкись (про все або багато чого-небудь) (СУМ, 6: 660) / *повыскачить*, сов., перех., разг. Выскочить. О всех или многих (ССРЛЯ, 10: 146). СУМ регистрирует 411 таких глаголов, а ССРЛЯ — 59.

Сему «продолжительность действия во времени и странность» реализуют глаголы с приставками *поу-*, *поза-*, *пови-* в украинском и *пос-* в русском языке: *поутримувати*, *позасідати*, *повишивати* / *поснимать*. Например, *позасідати*, док. 1. Сісти де-небудь, улаштувавшись зручно, надовго (про всіх або багатьох). 2. Засісти надовго, приступивши до якої-небудь роботи, справи та ін. (про всіх або багатьох) (СУМ, 6: 797) / *поснимать*, сов., перех., разг. 1. Разг. Снять все или многое (одного за другим). 2. Снимать, производить съемку некоторое время (ССРЛЯ, 10: 1502). СУМ фиксирует 517 глаголов с этим значением, а ССРЛЯ только 15 глаголов.

Значение «постепенного выполнения дистрибутивно-распределительного действия многими субъектами» выражается двойными приставками *поз-* (*пос-*) в украинском языке и приставкой *пос-* в русском языке: *постихати*, *поскладати*, *позв'язувати* / *посносить*, *посмывать*. Например: *поспродуватися*, док., перех. Поступово, одне за одним продавати все (про багатьох) (СУМ, 7: 360) / *посмывать*, сов., перех., разг. Смыть все или многое (одно за другим) (ССРЛЯ, 10: 1501). В СУМ 200 таких глаголов, в ССРЛЯ — 15.

Изменение состояния большого количества субъектов или изменение внешнего вида многих субъектов выражают глаголы с двойными префиксами *поза-*, *пос-*, *пови-*, *пов-*, *пооб-*, *пона-* в украинском языке и *попа-*, *повы-*, *пооб-*, *пос-*, *поза-* в русском языке: *поскалічувати*, *позасмучувати*, *повиряджатися*, *повмиватися*, *понатомлювати* / *понадевать*, *позамучить*, *повысохнуть*, *посдуреть*, *пообморозить*. СУМ подает 629 таких глаголов, а ССРЛЯ — 102. Украинский язык, в отличие от русского языка, имеет гораздо больше глаголов с двойными приставками. В русском языке отсутствуют глаголы с такими приставками как: *попере-*, *попо-*, *попро-*, *пороз-*, *повід-*, *подо-*, *поо-*, *попід-*, *понад-*: *попов'язати*, *поперемокати*, *порозквітати*, *подоводити*, *повідпихати*, *пооскалюватися*, *попродуватися*, *попідв'язатися*, *понадривати* (СУМ насчитывает 720 глаголов с этими приставками).

Можно сделать вывод, что каждый язык отличается как количественным составом глаголов множественно-дистрибутивного и распределительного действия с двойными приставками (в украинском языке их намного больше), так и семантическими оттенками.

О разграничении «процессного» и «общефактического» значения несовершенного вида в русском языке

Х. Р. Мелиг

Институт славистики, Университет Киль (Киль, Германия)

Аннотация. Цель моего доклада — разграничить процессное и общефактическое значение НСВ в предикациях, которые отсылают к уже введенной ранее в тексте ситуации и сообщают информацию о других компонентах высказывания, таких, как Агенс, Место, Время. В подобном случае предикации в НСВ имеют анафорическую функцию.

Прогрессивное, процессное и общефактическое значение НСВ

1. Предикация в НСВ может отсылать к ситуации, которая происходит одновременно, синхронно с другой ситуацией, как в примере [*Что это был вчера за шум за стеной?*] — *Наши соседи переставляли мебель*. В таком случае НСВ имеет «актуально-длительное», в терминологии Е. В. Петрухиной [Петрухина 2009] «актуально-процессное» значение. В рамках европейского проекта Eurotyp 20–6 [Dahl 2000] оно называется *durative progressive*. При этом в рамках этого проекта различаются два варианта «прогрессивного» значения. Во-первых, «durative progressive», как оно представлено в нашем примере, и, во-вторых, фокусированный прогрессив (*focalized progressive*), который налицо тогда, когда предикация, имеющая прогрессивное значение, относится к точке наблюдения (*focalization point*), которая включается в обозначаемую ситуацию: *Когда мы пришли, наши соседи переставляли мебель*. Если в таком контексте как [*Что это был вчера за шум за стеной?*] — *Наши соседи переставляли мебель*, употребление НСВ является обязательным, то это происходит потому, что для вопроса о причине шума достижение результата обозначаемой ситуации является нерелевантным. Шум не вызван результатом, а процессом переставки мебели.

2. Предикация в НСВ может отсылать к ситуации, которая длилась определенное время и перестала иметь место до какой-то точки отсчета (*evaluation point*), как в примере [*Почему вы опоздали?*] — *Мы переставляли мебель*. В таком случае мы имеем дело с «процессным» значением НСВ. В процессном значении наш пример информирует о том, что до нашего приезда мы некоторое время были заняты с переставкой мебели. При этом остается открытым, достигла обозначаемая предельная ситуация своей точки кульминации или нет. Точка отсчета (*evaluation point*), в отношении к которой обозначаемый процесс локализуется как предшествующий и законченный, может быть задана, как в нашем примере, моментом речи, но также и любой другой точкой в прошедшем или в будущем, как показывают такие примеры, как *До того как ты пришел, мы переставляли мебель*. / *До того, как ты придешь, мы будем переставлять мебель*. Если мы, как в нашем примере, имеем дело с предельной предикацией, то она при употреблении НСВ с процессным значением отсылает к деятельности, которая каузирует изменения состояния. Представляется, что такое употребление не следует называть «общефактическим» значением НСВ, так как предикация в процессном значении никак не заключается «в общем, принципиальном указании на факты прошлого, без какой-либо конкретизации» [Маслов 1959: 267]. Наоборот, предикация в процессном значении НСВ отсылает к индивидуализованной ситуации → *Какое-то время имела место (происходила) ситуация X*.

3. Общефактическое значение НСВ налицо, когда функция предикации состоит в том, чтобы сообщить о существо-

вании (или не-существовании) одной или нескольких ситуаций определенного класса, определенного типа в каком-то референциальном пространстве: *Мы переставляли мебель в прошлом году*. При НСВ в общефактическом значении наш пример сообщает о том, что в обозначаемом временном пространстве, т. е. в прошлом году, имела место хотя бы один раз такая ситуация, которая принадлежит к классу, к типу ситуаций, обозначаемых как «переставлять мебель». При общефактическом значении обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторяемая. Без дальнейшего контекста остается открытым, отсылает ли предикация к одной или нескольким ситуациям обозначаемого типа. В отличие как от прогрессивного, так и от процессного значений предикация в общефактическом значении НСВ отсылает не к индивидуализованной ситуации, а к ситуации как представителю определенного класса → Имела место хотя бы один раз такая ситуация, как X.

Разграничение процессного и общефактического значения в предикациях, которые употребляются как анафора

Предикация в НСВ может повторно отсылать к введенной в предтексте индивидуализованной ситуации и сообщать информацию о других компонентах высказывания, таких как Агенс, Место, Время, как в примере [*Мебель в комнате переставлена.*] *Кто ее переставлял?* При этом НСВ может иметь как процессное, так и общефактическое значение. В таком контексте как *Кто переставлял мебель в комнате? Антон? Он заметил, что ножка стула сломана?* мы имеем дело с процессным значением НСВ. Предикация отсылает к деятельности, каузирующей переход от одной ситуации к другой и служит для введения фоновой информации. С ее помощью должны проявиться другие ситуации, произошедшие *во время, на фоне* обозначаемой деятельности (была замечена *во время* переставки мебели, что ножка стула сломана). В контексте же [*Удачно переставили мебель в комнате.*] *Кто ее переставлял?* мы имеем дело с общефактическим значением НСВ. Результат ситуации, которая имела место, подвергается оценке. Положительная или отрицательная оценка результата обозначает сравнение этой ситуации с другими ситуациями того же типа. Тем самым обозначаемая в предтексте индивидуализованная ситуация, в вопросе концептуализуется как потенциально повторяемая. Имеет место переход от референтной определенности в антеценден-те к нереперентной неопределенности в консеквенте.

Литература

- Dahl Ö. (ed). Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EUROtyp 20–6]. Berlin; New York, 2000.
- Петрухина Е. В. Объяснительная теория славянского глагольного вида // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 5.
- Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы болгарского литературного языка. М., 1959.

Русский имперфектив: инвариант и контекстные значения

Е. В. Падучева

Всероссийский институт научной и технической информации РАН (Москва, Россия)

Инвариант, частное видовое значение, ретроспекция, нарратив, таксис

Summary. The list of meanings of the Imperfective includes already more than a dozen points, and new differentiations are steadily being suggested. As a solution to the problem, a SYSTEM of oppositions is constructed, consisting of basic purely grammatical oppositions and variations generated by the context, namely, a) lexical context, b) syntactic context, c) context of the register of interpretation and d) context of discourse.

В целях обозримости и следуя сложившейся традиции, я ограничиваюсь значениями имперфектива в контексте наст.

и прош. времени: в контексте будущего времени картина зеркально симметрична прошедшему (см. [Падучева 2010]),

но тут требуются оговорки, которые поначалу лучше опустить.

По поводу инварианта имперфектива, равно как и перфектива, можно считать достигнутым относительное согласие: перфектив означает ИЗМЕНЕНИЕ, а имперфектив выражает НЕИЗМЕННОСТЬ, см. [Гловинская 1982], [Wierzbicka 2002], [Падучева 2004] (в сфере линейной аспектуальности), а также имеет ИТЕРАТИВНОЕ значение (в сфере количественной аспектуальности, [Плунгян 2000]).

В [Dahl 2000] были противопоставлены две разновидности прогрессива: *focalized progressive*, т. е. прогрессив, имеющий точку фокализации, которая включена в ситуацию, и *durative progressive*, который не имеет такой точки.

В другой работе Остена Даля, [Dahl 1985: 138], описано аспектуальное значение, которое в одних языках выражается особой формой глагола, а в других является одной из разновидностей перфекта и названо ЭКСПЕРИЕНТИВом (англ. *experiential*). В русском языке это значение выражается имперфективом, ср. пример из [Вострикова 2008]:

«Вам случалось тонуть, лейтенант?» «Никогда. Но акула меня кусала» (И. Бродский. Новый Жюль Верн).

Эти соображения Остена Даля — новый вызов систематизаторам значений русского имперфектива, список которых и так включает около дюжины пунктов (см., например, [Падучева 1996: 10]).

В качестве решения проблемы я предлагаю систему частных (т. е. контекстных) значений имперфектива, которая строится как результат взаимодействия а) собственно грамматической семантики имперфектива (это кратность и ракурс) с контекстом, в результате чего возникают частные значения:

- б) обусловленные лексически;
- в) обусловленные синтаксически;
- г) обусловленные режимом интерпретации;
- д) дискурсивные значения, иначе — такисные.

а) Грамматическая семантика имперфектива

ПРОГРЕССИВ: *Когда я вошел в аудиторию, он **вешал** карту* [синхронное конкретно-референтное значение].

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ НА БАЗЕ ПРОГРЕССИВА [ретроспективное конкретно-референтное значение]:

*Ты / **вешал** эту карту?*

*Я **встречался** с приятелями.*

ИТЕРАТИВ: *Почему ты все время **вскакиваешь** / **вскакивал**?*

ОБЩЕФАКТИЧЕСКОЕ НА БАЗЕ ИТЕРАТИВА [ретроспективное экзистенциальное значение]:

*Ты когда-нибудь **вешал** / **вешала** эту карту?* [= 'хоть раз']

*Мы с вами где-то **встречались*** [= 'возможно, не один раз'].

ХАБИТУАЛИС: *Перед занятием он **вешает** карту.*

ПОТЕНЦИАЛИС:

*Хороший был слесарь — любые замки **чинил**;*

*Мост **выдерживает** нагрузку в 20 тонн.*

Узуальное и потенциальное значение возникают, как и потенциальное, предположительно, на базе многократного.

б) Лексически обусловленные частные значения

Значения, возникающие на базе прогрессива:

- от ПОСТОЯННЫХ СВОЙСТВ ИЛИ СООТНОШЕНИЙ:
*Окна гостиницы **выходят** на юг* [постоянно-непрерывное значение по [Бондарко 1971: 30]].
- от ОБОБЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ (*generic states* по Вендлеру):
*Иван **борется** с коррупцией* [континуальное значение];
*Его жена **руководит** аспирантом.*
- от МОМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:
 - а. *Он **выигрывает**; Мы **опаздываем*** [тенденция];
 - б. *Вы **ошибаетесь**; Ты **рискуешь*** [интерпретация поступка];
 - в. *Итак, я **прихожу** к вам завтра в семь; В субботу я **встречаюсь** с приятелями* [предстояние, наст. время];
 - г. *Его **осуждали** на пять лет, но тут вышел указ* [предстояние, прош. время];
*В 1980 году **исполнялось** столетие со дня рождения Блока;*
*На следующей неделе он **уходит** в отпуск.*

Значения, возникающие на базе ретроспекции:

- от НЕПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:
*<Где мои ключи?> Они **лежали** на столе; Вы **искали** коменданта?* [общефактическое неопределенное; по [Гловинская 1982] — нерезультативное];
- от ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ:
*Я их однажды на Фонтанку **подвозил**; Я вас **предупреждал**; Он **показывал** мне ее фотографию* [общефактическое результативное];
- от РЕВЕРСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ:
*К тебе кто-то **приходил*** (= 'пришел и ушел'); *Ты **открывал** окно?* [общефактическое реверсивное; результат был достигнут, но аннулирован противоположно направленным действием / событием];
- от глаголов ПОПЫТКИ, т. е. *контативных*:
*Я **умолял** ее вернуться; Кто **решил** эту задачу? **Объяснял**, да не **объяснил*** [контативное по [Бондарко 1971: 27]: действие не достигло / не обязательно достигло цели].

в) Синтаксически обусловленные частные значения

- *дуратив* (по [Timberlake 1985]) — значение, которое возникает в контексте обстоятельства длительности:
*В этом ущелье с июля по октябрь геологи **искали** алмазы* (пример из [Гловинская 1982]) [ретроспективный ракурс];
*Шестой уж год я **царствую** спокойно* (Пушкин) [синхронный ракурс].
- состояние *НЕНАСТУПЛЕНИЯ* События [Рассудова 1982: 67]:
*Я подошел и **остановился** в двух шагах. Они **не заметили** меня* (А. Куприн);
- *Родственник?* — *спросил он <...> Я **не отвечал**, но так же прямо смотрел в глаза его **превосходительства*** (Герцен. Былое и думы);
*Он настаивал на том, чтобы тётя <...> **не продавала** дом, окутанный приятными воспоминаниями детства.*

Состояние *ненаступления* события возникает за счет того, что глагол в контексте отрицания переходит в другой акциональный класс: глагол без отрицания обозначает действие или событие, а в сочетании с отрицанием — состояние.

г) Частные значения, обусловленные режимом интерпретации

В контексте наст. времени нарративного режима, имперфектив имеет особое частное значение, очень близкое к значению перфектива. Его называют *СОБЫТИЙНЫМ*:

*В 1994 году Солженицын **возвращается*** [≈ **вернулся**] *в Москву.*

Событийное значение противопоставлено обычному прогрессиву:

*Я его **спрашиваю*** [событийное значение имперфектива], *а он **молчит*** [прогрессив].

д) Дискурсивные значения имперфектива

Для формы имперфектива первичной дискурсивной функцией является *СИНХРОННАЯ* — в противоположность первичной *СЕКВЕНТНОЙ* функции перфектива. Дискурсивные функции русского вида вытекают из значения этих форм в независимом высказывании. Ср., однако, различие между русским и чешским, отмеченные в [Петрухина 2000: 84], [Dickey 2000]:

б. **Он **схватил** меня за руку и **тянул*** [надо сказать: *и стал **тянуть** (или **потянул**)*];

б. **Снял шапку и **крестился**.*

Вопрос — вытекает ли это различие дискурсивных функций русского и чешского имперфектива из различия значения этих форм в независимом высказывании, или это именно дискурсивное различие.

Что касается фокализованного и дуративного прогрессива по Остену Далю, то внутренняя точка фокализации (т. е. синхронный наблюдатель) дает обычный прогрессив, а дуративный прогрессив — это то же, что ретроспективное конкретно-референтное значение. Дуративный прогрессив

возникает, например, в контексте объемлющего показателя времени (*Мы вчера разморозивали холодильник / чинили велосипед*). Существенно то, что семантика незавершенно-сти, которая дала имперфективу его название, не является для него конституирующей, а порождается синхронным моментом наблюдения. А экспериментив Остена Даля — это то же, что экзистенциальное значение, т. е. ретроспективное нереферентное.

Литература

- Вострикова Н. В. Предложения с экспериментивной семантикой: особенности интонации // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Коздасова. М., 2008. С. 469–479.
- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

- Падучева Е. В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 3. С. 16–20. [http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf].
- Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000.
- Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
- Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford; N. Y., 1985.
- Dahl Ö. (ed). Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EUROTYPE 20–6]. Berlin; New York, 2000.
- Dickey S. V. Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. Stanford, California, 2000.
- Wierzbicka A. Actions, events and movements and the problem of aspect in Polish natural semantic metalanguage Semantic Primes and Universal Grammar // С. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). Meaning and Universal Grammar. Theory and empirical findings. Vol. II. Amsterdam, 2002. P. 105–125.

Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках (в связи с лексическим значением глаголов и контекстом)

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Русский и чешский глагольный вид, частные видовые значения, процессность

Summary. The report reviews types of process meaning of imperfective verbs and distinction in the use of imperfective verbs in Russian and in Czech.

I. Основные частные значения НСВ — процессное [Маслов 2004: 99], неограниченно-кратное и общефактическое — есть во всех славянских языках, но функциональные границы между ними разные: они зависят от организации видовой системы каждого славянского языка. Имеются различия в конкретных реализациях названных значений, а также в переходных, промежуточных типах семантики глаголов НСВ, которые связывают все основные значения НСВ в единый континуум, без резких границ. Континуальность семантической шкалы значений НСВ в славянских языках основана на единой форме, обслуживающей эту шкалу значений, в определении которых в славистике нет единства. Так, процессная семантика русского НСВ представлена целым рядом подзначений, ср.: актуально-процессное (или актуально-длительное, или конкретно-процессное), длительно-процессное (или континуальное, или дуративное), конативно-процессное (или конативное), постоянно-непрерывное. По отношению к перформативам и некоторым типам моментальных глаголов НСВ Ю. Д. Апресян предлагает процессуально-точечное значение [Апресян 1995: 240]. Об особой разновидности процессности — о процессно-фактическом значении — можно говорить в настоящем историческом, где НСВ берет на себя выполнение важных функций СВ, не теряя собственной специфики, т. е. наблюдается своеобразная комбинация противоположных значений обоих видов — процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ. Так же (как процессно-фактическое) можно определить и видовое значение форм прошедшего времени НСВ при так называемом «сказовом» употреблении [Гловинская 1989: 108–111], ср.: *И все же мистер Смит не спешая принимал ванну... выбирал в гардеробе костюм, избрал черный и затягивал сзади у брюк хлястик, зацелкивал пряжки у ботинок. Лакей принес кофе...* (Б. Пильняк). Разграничение типов семантики НСВ связано прежде всего с различными параметрами диагностических типов контекста (ср. категориальных ситуаций [Бондарко 2008: 14]), в которых реализуется каждое видовое значение, а также с лексическим значением глагола.

II. В работах Ю. С. Маслова, Ю. Д. Апресяна, М. Я. Гловинской, Е. В. Падучевой и других исследователей было показано, что целые семантические классы глаголов (моментальные, интерпретационные, перформативы и др.) и в несовершенном виде не могут выражать идею актуального процесса (с синхронной точкой отсчета [Падучева 1996: 17]). Данная связь между набором значений глаголов НСВ и

их лексической семантикой в славянских языках является во многом универсальной. Например, целый ряд моментальных глаголов НСВ, например глаголы со значением случайных действий (*терять* — *ztrácet*), перформативы (*обещаю*, *клянусь* — *slibuji*, *přisahám*) в обоих языках либо вообще не имеют актуального настоящего (как глаголы случайных действий), а если имеют, как, например, перформативы, то с процессно-точечным значением НСВ. Но в славянских языках аспектуальные классы глаголов полностью не совпадают по составу. Если в русском языке глаголы типа *приезжать*, *добежать* относятся к моментальным, то в чешском языке подобные глаголы свободно развивают актуально-процессное значение, ср.: *Vlak právě přijížděl do stanice — Поезд как раз подъезжал к станции* (букв.: *приезжал на станцию*); *Dobíhal jsem do cíle spokojený. — Я добегал* (букв. *добежал до*) *к цели довольный*. Это можно объяснить только исходя из различий в организации русской и чешской видовых систем [Петрухина 2002].

III. В повествовательных текстах (как в плане настоящего исторического, так и прошедшего времени) в чешском языке свобода выбора видов больше, чем в русском. Ср. сочетание разных видов в повествовательной претеритальной глагольной паре (цепочке), в которой последнее действие выражается глаголом НСВ, имеющим процессно-фактическое значение: *A všichni si sáhli do kádě a odnášeli si několik našich kapříků* (I. Klíma). *Все залезли рукой в бочку и унесли* (букв. *уносили*) *по несколько наших карпов*. В чешской публицистике последних двух десятилетий использование глаголов НСВ для обозначения конкретных событий встречается не только в цепочке последовательных действий, но и в одиночном употреблении, причем обычно в заголовках событийных информационных (на этот тип употребления в современных чешских СМИ мое внимание обратил С. С. Скорвид). В следующем примере в заголовке используется глагол НСВ *děkoval* (а в самом тексте сообщения то же самое событие обозначено глаголом СВ *poděkoval*): *Archeolog děkoval NATO, že při náletech v Libyi neznížilo žádné historické památky. — Археолог поблагодарил* (букв. *благодарил*) *NATO за то, что при налетах в Ливии не были уничтожены исторические памятники*. Другой пример: *V Damašku ostřelovali sídlo strany Baas — В Дамаске обстреливали* (ср. *обстреливали*) *резиденцию партии Баас*. В заключительной части доклада анализируются подобные (и некоторые другие) чешские примеры употребления форм прошедшего времени НСВ в соотношении с их русскими эквивалентами и системой част-

ных значений НСВ, а также в связи со стилистической спецификой заголовков в чешских и русских СМИ (в сравнении со стилистикой английских и американских газетных заголовков).

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
Бондарко А. В. Категоризация семантики в системе грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб., 2008.

- Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
Петрухина Е. В. Роль языковой системы в формировании аспектуальной семантики глаголов // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002.

Категория интенсивности в русских, украинских и польских отглагольных именах действия

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет (Черкассы, Украина)

Категория интенсивности, отглагольное имя действия, девербатив

Summary. The paper deals with the investigation of nouns semantic potential within the sphere of the category of intensity. It is stated that the meaning of high intensity is not typical for the deverbatives. Other kinds of intensity are inherited by the deverbatives and realized in contexts.

Традиция резкого разграничения категорий существительного и глагола берет начало еще в древнеиндийских и античных грамматиках, но для современного языкознания более характерна идея отсутствия между ними непреходимой грани. В рамках этого подхода находятся многочисленные исследования, посвященные сохранению глагольности в производных существительных — именах действия; в частности, обсуждаются вопросы наследования девербативами залоговых, видовых, временных значений, способности девербативов выражать таксисные отношения и т. п. М. В. Панов высказывает мысль, что имя существительное — «неотмеченная категория среди частей речи», «открытая область», не имеющая грамматических запретов, мешающих «прийти и обжиться» в этой области любому слову [Панов 1999: 165]. Однако изучение особенностей русских, украинских и польских отглагольных имен действия заставляет сомневаться в такой полной «открытости» существительного, поскольку обнаруживает последовательные — по всей видимости, категориально обусловленные — ограничения. Выбор исследуемых языков не случаен: русские, украинские и польские имена действия демонстрируют три степени сохранения формальных показателей глагольных категорий.

Предмет нашего исследования — семантические возможности отглагольного имени действия в области внутрисловного (словообразовательного) выражения интенсивности действия. Мы исходим из понимания интенсивности как количественного изменения признака, «уровня развития

признака в рамках данной меры, не влекущего за собой изменение данного качества» [Шейгал 1981: 13].

С учетом сложности и многомерности изучаемой категории нами был проведен двухуровневый анализ имен действия: сначала были выделены группы глаголов морфемно-характеризованных способов действия, выражающих различные оттенки значений интенсивности, а также группы производных от них имен. Сопоставив полученные группы отглагольных имен действия и соответствующие глагольные классы, мы установили словообразовательные лакуны и объединяющий их семантический признак.

Диапазон значений интенсивности в отглагольных именах действия достаточно широк: от неполноты, ослабленности действия «аттенуативных» имен (*подкрашивание*) до высокой степени проявления признака в «усилительно-интенсивных» (*разгул*). Вместе с тем, в исследуемых языках «интенсивные» глаголы проявляют различную степень продуктивности по отношению к девербативам. Мы расположили соответствующие именные и глагольные группировки по мере возрастания в них степени проявления признака интенсивности. Выяснилось, что уровень словообразовательной активности соответствующих глаголов в русском, украинском и польском языках находится в прямой зависимости от степени проявления значения интенсивности в их семантической структуре: Показатели словообразовательной активности глаголов интенсивных способов действия во всех исследуемых языках представлены в таблице:

Аспектуальная семантика (в порядке усиления признака интенсивности)	Процентное соотношение глаголов и производных имен	Примеры глаголов: русские, украинские, польские	Примеры отглагольных имен действия
Аттенуативные	100%	<i>приостановить</i> <i>надколювати</i> <i>podkarmiać</i>	<i>приостановка</i> <i>надколювання</i> <i>podkarmianie</i>
Интенсивно-процессные	75–80%	<i>выклянчить</i> <i>вивідувати</i> <i>wywiadywać się</i>	<i>выпытывание</i> <i>вивідування</i> <i>wywiadywanie się</i>
Интенсивно-усилительные	45–50%	<i>раскурить</i> <i>rozparuti</i> <i>rozpalać</i>	<i>распаривание</i> <i>rozrobляння</i> <i>rozpalanie</i>
Усилительно-интенсивные	13–15%	<i>разлетаться</i> <i>распрыгаться</i> <i>розмахатися</i> <i>rozchorować się</i> <i>rozdzyskutować się</i>	<i>разлет</i> — <i>розмах</i> — <i>rozchorowanie się</i> —
Длительно-усилительные	0%	<i>дождаться</i> <i>дочекатися</i> <i>dowotać się</i>	—
Интенсивно-качественные	0%	<i>наголодаться</i> <i>наголодуватися</i> <i>nasiedzieć się</i>	—
Чрезмерно-интенсивные	0%	<i>уездиться</i> <i>ukocитися</i>	—

Расхождения по трем языкам оказались незначительными (до 5%) и не повлияли на общую тенденцию: чем ярче проявляется значение интенсивности в семантике данного способа действия, тем ниже продуктивность глагола по отношению к девербативам. Глаголы, выражающие крайнюю степень интенсивности действия, демонстрируют в данном случае нулевую продуктивность: имена действия от них не образуются ни в одном из исследуемых языков.

Определенную роль здесь, очевидно, играет тот факт, что одновременно с возрастанием степени интенсивности усиливается эмоционально-экспрессивная окраска глагола. Тем не менее, наиболее весомым представляется объяснение

этих словообразовательных лакун тем, что вместе с ростом интенсивности усиливается семантика количественно-временной предельности, доходя до максимума в глаголах интенсивно-качественного, чрезмерно-интенсивного и длительно-усилительного способов действия. Именно этот семантический признак оказывается несовместимым с категориальным значением отглагольного имени действия.

Литература

- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке. Дисс. канд. ... филол. наук. М., 1981.

Префиксальная видовая пара многозначного глагола в толковом словаре

Е. Н. Ремчукова

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Видовая пара, многозначный глагол, лексико-семантические варианты, толковый словарь

Summary. This paper discusses the ways of formation of a prefixal/’noj aspect pairs as a means of differentiation of lexico-semantic options multivalue verb in terms of its submission to the dictionary.

Аспектуальные характеристики играют важную дифференцирующую роль в семантической структуре многозначного глагола. Аспектуальные «взаимоотношения» между прямыми и переносными значениями глагольной лексемы складываются следующим образом:

- 1) видовые корреляции прямых и переносных значений глагола совпадают;
- 2) видовые корреляции прямого и переносного значений не совпадают, при этом именно в переносном значении глагол
 - а) является одновидовым;
 - б) имеет видовую пару, образованную при помощи другого префикса (или двух вариативных префиксов);
 - в) при образовании видовой пары «выбирается» один из префиксов, образующих видовую пару с глаголом в первичном значении.

1. Ситуация первого типа демонстрирует «слитность» прямых и переносных ЛСВ многозначного слова с помощью такой важной грамматической характеристики, как вид глагола.

Видовая пара *маневрировать* — *сманеврировать* [Ожегов 1989] существует как у прямого («производить маневр, маневры»), так и у переносного значения («ловко и предусмотрительно действовать... *Маневрировать в сложной обстановке*»). В [БТС 2002] добавлены два значения с пометой «разг.» (*Полузащитники маневрировали на поле в ожидании паса; Не дать клиенту сманеврировать*), но разногласий между словарями в оценке видовой парности нет: она относится к первому типу.

2. В то же время, если в семантической структуре глагола, имеющего видовую пару в прямом значении, выделяется два переносных значения, они оба могут характеризоваться одновидовостью, что позволяет говорить об их четкой дифференциации. Так, глагол *грызть* имеет два переносных значения: «постоянно придираться к кому-н., бранить. *Грызть домашних*» и «терзать, мучить. *Сомнение грызёт душу*», не образующих видовую пару. При этом в прямом значении («раскусывать зубами... *Грызть орехи*...») глагол имеет пару *грызть* — *разгрызть* [Ожегов 1989] (ситуация 2а).

Дифференциация прямого и переносного значения происходит и при сохранении видовой соотносительности: семантика мотивирующего глагола НСВ в переносном значении сохраняет предельный характер, но «оформляет» предельность при помощи другого префикса (ситуация 2б). Так, глагол *манить* имеет два значения: 1. Звать, подзывать, деляя знаки... *Манить к себе ценка*. 2. перен. Прельщать, привлекать... *Юг манит теплом*. У первого ЛСВ отмечена пара *манить* — *поманить*, у второго *манить* — *взманивать* (устар.) — т. е. ЛСВ дифференцированы при помощи разных префиксов [Ожегов 1989]. В [РТС 2001] в переносном значении глагол представлен как одновидовой. Это соответствует, как нам представляется, общей тенденции словаря:

в нем не фиксируются периферийные для современного языка значения и, соответственно, их грамматические и стилистические характеристики. В БТС, напротив, не указана видовая пара у первого ЛСВ, т. е. отсутствует «классическая» видовая пара с приставкой *по-* у глагола, который относится к лексической группе «подавать — подать какой-либо знак, сигнал». Очевидно, что ситуация дифференциации прямого и переносного значений глагола (при сохранении им и в переносном значении предельной семантики) с помощью перфективирующего префикса является достаточно типичной.

В своих основных значениях глагол *сватать* имеет видовую пару *сватать* — *посватать* и *сватать* — *сосватать*. В переносном значении («усиленно рекомендовать. *Его сватают к нам в руководители*») глагол может иметь только пару *сватать* — *сосватать* (2в): в переносном значении из двух возможных префиксов «выбирается» один.

В семантической структуре многозначного глагола может быть несколько устойчивых словосочетаний с разной видовой характеристикой, по-разному отраженной в словарях. Так, у глагола *мутить* выделяется четыре значения, отмеченных вариативностью перфективирующих аффиксов: *взмутить*, *замутить*, *помутить*, *смутить* (последний только в БТС), а также фразеологизм *мутить воду* — «вносить неразбериху, усиленно запутывать что-л. ясное», в котором глагол имеет видовую пару с глаголом *замутить* (как и в прямом значении); в то же время в БТС видовая парность устойчивого словосочетания не отражена.

У глагола *делить*, имеющего соотносительные глаголы СВ *поделить* и *разделить*, отмечается два таких значения: *Делить нечего* («кому. Нет поводов для раздоров, ссор») и *Делить икуру неубитого медведя* («распределять между собой прибыль от предполагаемого, но еще не осуществленного дела»), — оба сохраняющие переходность, но несоотносительные по виду. В первом случае актуализируется семантика процесса, который объективно не включает в себе необходимости прекращения; во втором актуализируется бесперспективность действия.

В толковых словарях в словарной статье глагола *грызть* приводится и фразеологизм «*грызть гранит науки*» (упорно, настойчиво учиться, овладевать знаниями), в составе которого глагол является одновидовым: действие является активным, контролируемым, направлено на «метафорический» объект, но определяющими являются активность субъекта и «внутренняя беспредельность» (Ю. С. Маслов) процесса — глагол попадает в разряд «занятий», т. е. характеризует субъект на протяжении сверхдлительного интервала, не может иметь актуально-длительного значения, а следовательно, и видовой пары. Таким образом, аспектуальное поведение глагола в составе фразеологизма подтверждает (и в случае сохранения видового коррелята, и в случае его «утраты» в связи с изменением семантики глагола), что грам-

матическое значение вида — «живой нерв глагольных фразеологизмов» (В. Н. Телия).

Как нам представляется, именно объем и качество актуальной информации обуславливают адекватность отражения семантической структуры многозначного глагола в толковом словаре.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 21-е изд. М., 1989.

РСС — Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 7-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Старославянский глагол: внутри и вне сферы действия грамматического вида

Е. А. Сведенцова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Старославянский глагол, видовое противопоставление, грамматическая категория вида, акциональный класс глагола, двувидовой глагол

Summary. This paper demonstrates the situation in Old Slavic, where despite the growing number of verbs which are covered by the formal category of aspect, a sizable set of verbs is outside the aforesaid category, being characterized just as members of specific aspectual classes.

В контексте данной работы представляется важным отметить, что старославянский язык является хронологически наиболее приближенным к общеславянскому языку; при этом, его нельзя отождествлять с последним: старославянский язык — это южнославянский язык. (Существуют другая точка зрения, согласно которой старославянский язык понимается как древнейший общеславянский (зд.: ≠ праславянский!) письменно-литературный язык.)

Одна из актуальных задач исследования старославянского языка — это выявление набора глагольных акциональных классов. Всеми исследователями признаётся видовое противопоставление старославянских глаголов но является ли оно только противопоставлением между классами глаголов?

По-видимому, к такой точке зрения близок А. Вайан: «Глаголы совершенного и несовершенного вида — это самостоятельные глаголы, но связанные друг с другом тем, что или глаголы совершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида при помощи средств „перфективации“, или глаголы несовершенного вида — от глаголов совершенного вида при помощи средств „имперфективации“» [Вайан 2002: 353]. Иначе говоря, Вайан считает соответствующие глаголы самостоятельными лексемами, при этом, однако, связанными отношениями производности.

Ю. С. Маслов в статье «Zur Entstehungsgeschichte des slawischen Verbalaspektes» [Maslov 1959] фиксирует «дату рождения» вида как грамматической категории в общеславянском (= праславянском) таким образом. Формы предельных глаголов типа *sъbrati употреблялись до некоторых пор двояко: «сохраняли... свое „прямое“ значение итеративности, потенциальности, вообще „неактуальности“, неконкретности действия и... могли ещё обозначать и протекающее действие (*se sъberetъ 'вот он собирает')». Позднее они «начинают иметь» только первое значение, так как появляются формы типа *sъbirajetъ, с «будущим» суффиксом имперфективации, которые, поначалу эмфатические и факультативные, «постепенно полностью завоёвывают всю семантическую зону „действия в процессе протекания“».

Появление форм типа *sъbirajetъ, sъbirati Маслов и называет «рождением НСВ». «могли ещё обозначать и протекающее действие (*se sъberetъ 'вот он собирает')» [Маслов 2004: 138]. В момент употребления форм типа *sъbъrati только для случаев «действительного достижения результата действия» «нейтральный вид» превращается в совершенный. «Далее категорией вида охватываются и неопределённые глаголы [в цитате опущена информация о «попутном» процессе перфективации]. Они входят в состав НСВ... Значение НСВ становится всё более широким. В конце концов НСВ из положительного члена оппозиции превращается в её отрицательный член... СВ, функционировавший первоначально как фон, как нейтральный вид, становится положительным... членом оппозиции. К концу общеславянского (= праславянского? — Е. С.) периода эта стадия развития в основном достигнута, хотя многочисленные пережитки старых отношений преодолеваются лишь позже в самостоятельной эволюции отдельных славянских языков» [Маслов 2004, 139].

В классических старославянских текстах Кирилло-Мефодиевской эпохи [в процессе работы был использован корпус

«Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense» (<http://www.helsinki.fi/slaavilaiset/ccmh>); титла и все диакритические знаки в примерах опущены по техническим причинам], действительно, не обнаружилось ни одной формы сьвереть с прогрессивным значением '<вот, сейчас> собирает' (все найденные формы имеют значение 'соберёт'), но глагол изгонити 'выгонять' часто имеет «потенциальное» значение (см. пример (1)) и в текстах не зафиксировано стадии, на которой изгонитъ означал бы 'выгонит' и представлял собой форму СВ.

(1) **І кънижници низъшьдъше отъ ієлма глаахъ. Ъко вельзѣбуль иматъ. І ѣко о кънази бѣсъ изгонити бѣсы** (Зогр.) 'А книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что <Он> имеет <в Себе> веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя' — Мк 3, 22.

Ближайшей аналогией к праславянскому *sъbъrati, sъberetъ, по-видимому, являются старославянские двувидовые глаголы, с их «внутрилексемной» возможностью дальнейшего исторического выбора в данном случае значения СВ. Это глаголы типа **лишити сѧ** 'терпеть лишение (= нуждаться) / потерпеть лишение'.

Примеры употребления глагола — (2), (3).

(2) **Іждивъши же ємоу вьсѣ. вьстъ глады крѣпкъ на странѣ тоі. І тѣ начатъ лишити сѧ.** (Зогр.) 'Когда же он <= младший сын некоего человека> прожил всё, «случился» великий голод в той стране, и он начал нуждаться' — Лк 15, 14.

[Как можно видеть, двувидовой глагол **лишити сѧ** 'терпеть лишение (= нуждаться) / потерпеть лишение' здесь употреблён в сочетании с фазовым глаголом **начати** 'начать'. Он является единственным двувидовым глаголом, зафиксированным в таком употреблении. Также показательно разночтение: в Зографском и Мариинском Четвероевангелиях мы имеем **начатъ лишити сѧ**, в Ассеманиевом и Саввиной книге — **начатъ лишати сѧ**.]

(3) **брашно насъ не поставитъ прѣдъ в<ого>мъ. ни бо аще не ѣмъ лишимъ сѧ ни аще ѣмъ изъждетъ намъ** (Ен.) 'Еда нас не поставит перед Богом: потому что <ни> если не (съ)едим, не будем терпеть / (по)терпим нужду, <ни> если (съ)едим, «не будет / станет в избытке» нам' — 1 Кор 8, 8. [Синодальный перевод этого стиха: «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем.»]

Вряд ли стоит относиться к двувидовым глаголам как «многочисленным пережиткам старых отношений». Эти глаголы являются живым фактом языка. Они в синхронии позволяют наблюдать втягивание глаголов в сферу действия категории вида. Составляя 9% в выборке из 1185 глаголов, двувидовые глаголы являются частотными. Например, для **отъвѣцати** 'ответить / отвечать' по Старославянскому словарю фиксируется > 500 употреблений (ср.: для **отъвѣцавати** 'отвечать' — 42), для **разоумѣти** 'понять / понимать' — < 300 (ср.: для **разоумѣвати** 'понимать' — 21).

Таковыми же фактами языка является и употребление глагольных форм настоящего СВ, и имперфекта СВ, и даже причастия настоящего времени СВ наряду с соответствующими формами НСВ (эти факты можно сравнить с фактами

болгарского языка, когда все временные формы образованы от основ и несовершенного, и совершенного вида [Маслов 1981], ср. (4).

(4) ¹¹ *и глаше имъ вамъ естъ дано вѣдѣти тайнаа црственѣ вжигѣ. Внемъ же вѣнѣщгънимъ въ притѣчахъ всѣ бывахътъ.* ¹² *да видаще видатъ и не оузърать. и слышаште слышатъ. и не разоумѣважътъ.* (Мар.) 'И <Иисус> сказал им <апостолам>: вам дано знать тайны Царства Божия, а тем «внешним» всё в притчах бывает, так что они «видя» видят и не «увидевают» и слыша слышат и не «уразумевают» — Мк 4, 11–12.

Гораздо свободнее, чем, например, в русском языке, формы обоих видов образуются от глаголов «предельных» способов действия. Так, в старославянском акциональном классе 'вхождение в состояние' наличествуют *възвѣстити сѧ* СВ (7) 'прийти в неистовство' и *възвѣсовати сѧ* НСВ (1) 'приходить в неистовство'; также существуют *възбоудити* СВ (17) 'разбудить' и *възбоуджати* НСВ (2) 'букв.: разбудивать', отличающиеся от предыдущей пары только наличием каузативного компонента в значении. (В болгарском языке все предельные способы действия систематически выступа-

ют в обоих видах, чем наглядно обнаруживают своё безразличие к противопоставлению СВ : НСВ [Маслов 2004: 120].)

По-видимому, вне сферы действия грамматической категории вида оказываются глаголы типа *изгонити* 'выгонять' НСВ (29) (дериват от *гонити* 'гнать' НСВ), под действие грамматического вида подпадают глаголы типа *изгънати* 'выгнать, изгнать' СВ (> 100) (дериват от *гънати* 'гнать' НСВ) — *изганати* 'выгонять' НСВ (1). Глаголы типа *изгонити* 'выгонять', вероятно, постепенно остаются только в ведении глагольных акциональных классов, как глаголы *гонити* 'гнать <ненаправленное действие>' НСВ и *гънати* 'гнать куда-нибудь' НСВ.

Литература

- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2002.
 Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка: Учеб. для студентов филол. фак. ун-тов. М., 1981.
 Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. М., 2004.
 Maslov Ju. S. Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes // Zeitschrift für Slawistik. 1959. Bd 4. Hft 4. S. 560–568.

Разновидности глагольных оппозиций со значением кратности

Е. И. Семиколонова

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Украина, Симферополь)

В современной лингвистике значение кратности относится к сфере количественной аспектуальности и формирует функционально-семантическое поле. Кратность рассматривается как компонент семантики глагольного слова, отражающий природу того или иного внутренне расчлененного процесса: «Глаголы, которые сочетаются со значением признака кратности, обозначают квантифицируемые действия, которые по своей природе могут прерываться и возобновляться» [Храковский 1987: 127].

Наиболее ярко значение кратности передают глаголы *мигать*, *дергать*, *звякать*, *капать*, *клевать*, *махать*, *мелькать*, *стучать*, *толкать*, *целкать*, *щипать* и т. п. В соответствии с принятой в современной русистике трактовкой все они обозначают «действия, расчлененные на неограниченно повторяющиеся отдельные акты или кванты» [Грекова 1979]; [Храковский 1987] (см. также [Апресян 1995]; [Гловинская 1982]; [Mehlig 1982]). На эту особенность их семантики не раз обращал внимание А. В. Исаченко, когда подчеркивал, что «в глаголе *бодать* речь идет не о повторяемости действия, а о его внутренней разложимости, расчлененности на ряд мелких фазисов» [Исаченко 1960: 253]. Это свойство отличает их от значения повторяемости у глаголов, называемых нерасчлененными действиями.

С семантической точки зрения многоактные глаголы обозначают конкретные действия человека или животного. Это непосредственно воспринимаемые органами чувств человека физические действия или движения, многие из них можно характеризовать как звуко-свето-изобразительные: *шагать*, *толкать*, *булькать*, *громыхать*, *звякать* Небольшую группу составляют глаголы, обозначающие различные оптические эффекты, которые воспринимаются как расчлененные: *сверкать*, *блестеть*, *мигать*.

Значение кратности характерно и для одноактных глаголов. Такие глаголы образуются от многоактных глаголов с помощью суффикса -ну-: *блестеть* — *блеснуть*, *брызгать* — *брызнуть*, *вилять* — *вильнуть*, *глотать* — *глотнуть*, *кивать* — *кивнуть*, *мелькать* — *мелькнуть*, *кричать* — *крикнуть*, *свистеть* — *свистнуть*, *толкать* — *толкнуть*. К ним по своей семантике примыкают глаголы *бросить*, *вскочить*, *ступить*, *хватить*, *схватить*, *выхватить*. Иногда в эту группу включают и глаголы *взвизгнуть*, *вздохнуть*, *вздоргнуть*, *вскрикнуть*, *вспыхнуть*, *всхлипать* как соотносительные с *взвизгивать*, *вздыхать*, *вздрагивать*, *вскрикивать*, *вспыхивать*, *всхлипать*.

Семантика одноактных глаголов трактуется по-разному. Если ее соотносят со значением мотиваторов — многоакт-

ных глаголов несовершенного вида, то одноактные глаголы «обозначают один «квант» деятельности, описываемой исходным глаголом» [Зализняк, Шмелев 2000: 118]. Если ее рассматривают вне соотношения с мотиваторами, то одноактные глаголы «обозначают однократные, выполняемые в один прием действия»: *дернуть*, *звякнуть*, *капнуть*, *клюнуть*, *махнуть*, *мелькнуть*, *мигнуть*, *стукнуть*, *толкнуть*, *целкнуть* [Бондарко, Буланин 1967]; [Исаченко 1960].

Значение кратности может быть рассмотрено и в другом аспекте — как тип отношений, которые возникают между глаголами, связанными мотивационно и противопоставленными по виду: *дергать* — *дернуть*, *мигать* — *мигнуть*, *навещать* — *навещать*, *повторить* — *повторять*, *посетить* — *посещать*, *толкать* — *толкнуть*, *целовать* — *поцеловать* и т. п. Семантический признак кратности ситуаций реализуется как совокупность двух сопряженных значений: неоднократности и однократности [Соколов 1988].

Наиболее ярко отношения неоднократности / однократности выражены в оппозициях глаголов, в которых многоактное действие противопоставлено одноактному, т. е. регулярная повторяемость «крат» внутренне расчлененных процессов противопоставлена одному «крату» такого процесса: *мигать* — *мигнуть*, *дергать* — *дернуть*, *звякать* — *звякнуть*, *капать* — *капнуть*, *клевать* — *клюнуть*, *махать* — *махнуть*, *мелькать* — *мелькнуть*, *стучать* — *стукнуть*, *толкать* — *толкнуть*, *целкать* — *целкнуть* и т. п. Здесь кратность выражена дважды: в семантике глаголов несовершенного и совершенного вида и в отношениях, которые складываются между ними.

Четкая расчлененность действия на «краты» далеко не всегда играет решающую роль в формировании отношений кратности. Так, значение кратности в оппозициях *сверкать* — *сверкнуть*, *звякать* — *звякнуть*, *блестеть* — *блеснуть*, *колоть* — *колынуть*, *трясти* — *тряхнуть*, *скрипеть* — *скрипнуть*, *хрустеть* — *хрустнуть* и т. п. не вызывает сомнений, хотя расчлененность действия на отдельные акты у глаголов *колоть*, *трясти*, *скрипеть*, *хрустеть*, *сверкать*, *звякать*, *блестеть* и т. п. ослаблена, а границы «крат» размыты.

С другой стороны, в группу многоактных глаголов, ориентируясь на их лексическое значение, включают глаголы *грести*, *мести*, *сечь*, *скрести*, *тереть* и т. п. Их расчлененность на отдельные акты в реальной действительности не вызывает сомнений, но она не подчеркнута языковыми средствами: оппозиции по кратности у таких глаголов отсутствуют. Поэтому их естественная кратность остается

«неактуализованной» [Бондарко, Буланин 1967: 25], она glossается значением процессности. Такие действия, несмотря на их природную расчлененность, воспринимаются просто как длительные. Следовательно, кратность глагольных действий осознается только тогда, когда оно имеет в языке формальное выражение. Значение «многофазности» или «внутренней расчлененности» действия, — подчеркивает А. В. Исаченко, — «ощущается» говорящим лишь на фоне соответствующих однократных глаголов на *-нуть* [Исаченко 1960: 307].

В соответствии с этим подходом в отношении кратности включают не только «ситуации, описываемые исходным глаголом и состоящие из «квантов» (*моргать* — многократное повторение *моргнуть*), но и гомогенные ситуации, например, *дуть, глядеть, ругать, пугать, кутить*. В последнем случае квантификация создается только при соотношении с глаголами *дунуть, глянуть, ругнуть, пугнуть, кутнуть*: *дуть* — *дунуть*, *глядеть* — *глянуть*, *ругать* — *ругнуть*, *пугать* — *пугнуть*, *кутить* — *кутнуть*, ибо «между этими двумя случаями нет отчетливой границы» [Зализняк, Шмелев 2000: 119].

Такое широкое понимание кратности предполагает ориентацию внимания исследователей не на лексическое значение мотивирующего глагола несовершенного вида, а на наличие в языке формально выраженной между глаголами противопоставленности по кратности. И, если в оппозиции внутренне нерасчлененному действию (предельному или непределному) противопоставлено действие однократное, таким противопоставлениям также приписываются отношения кратности. Поэтому оппозиции *ругать* — *ругнуть*, *пугать* — *пугнуть*, *спекулировать* — *спекульнуть*, *критиковать* — *критикнуть*, *кутить* — *кутнуть* и т. п. рассматривают как кратные, хотя глаголы НСВ *ругать, пугать, спекулировать, критиковать, кутить* и т. п. обозначают длительные действия, не расчлененные на «кванты». [Ремчукова 2004: 114]. Здесь значение кратности вообще не связано с лексическим значением глаголов, оно возникает только как результат их соотношения. Другими словами формально выраженная противопоставленность процессов (даже нерасчлененных) оказывается важнее лексического значения мотиватора. В данном случае можно говорить о «давлении» видовой словообразовательной модели, которая оказывается сильнее лексического значения и «навязывает» глагольной оппозиции значение кратности.

Фазовая парадигматика русских стативных глаголов

Е. Я. Титаренко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Украина, Симферополь)

Глагол, вид глагола, фазовость, фазовая парадигма

Summary. Lecture is devoted to the analysis of the paradigm of Russian stative verbs: *любить, знать, считать, полагать* and so on.

Теория фазовой парадигматики, разработанная автором, изложена в [Титаренко 2011], она базируется на представлении о фазовости как реляционной величине, выражающей отношение процесса к его началу, завершению, ограниченно, повторяемости и проявляющейся в сопоставлении мотивационно связанных глаголов НСВ — СВ [Соколов 1988]. Изучение и сравнение фазовых парадигм глаголов определенных семантических групп позволяет обнаружить некоторые закономерности. Специфика фазовости глаголов *сидеть, стоять, лежать, висеть* описана в [Титаренко 2010]. Рассмотрим фазовую парадигматику стативных глаголов *любить, знать, считать, полагать*.

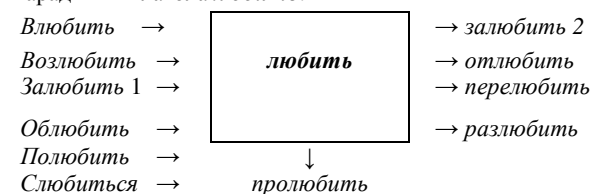
В фазовой парадигме глагола *любить* имеется три направления фазовости (отсутствует выражение однократно-многократных фазовых отношений), она отличается богатым набором лексем со значением начала процесса и отсутствием делимитатива с префиксом *по-*, т. к. в этой парадигме *по-*глагол имеет значение начинательности. Вопреки утверждению Ю. С. Маслова о том, что называемые глаголами *любить, ненавидеть* и т. п. состояния не могут мыслиться как кратковременные, ограниченные временными

В оппозициях многократно-однократного типа глаголы несовершенного вида, как правило, непределены. Однако повышенная продуктивность однократных глаголов совершенного вида, высокий потенциал словообразовательного типа, к которому они принадлежат, являются одним из доказательств системного характера отношений кратности между глаголами, особым случаем их грамматикализации. Здесь мы разделяем точку зрения тех лингвистов, которые считают, что не только предельные, но и непределные глаголы несовершенного вида способны формировать видовые пары [Дики 2004]. Это позволяет рассматривать все разновидности видовых оппозиций многократно-однократного типа в зоне видовых корреляций русского глагола.

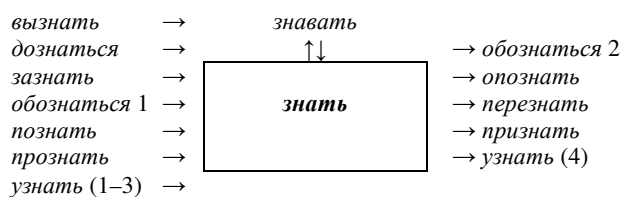
Литература

- Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 219–241.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
- Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Грекова О. К. Виды значений повторяемости и средства их выражения // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1979. № 2. С. 37–48.
- Дики С. (Dickey S. M.). Где кончается метафора? (О развитии видового префикса *по-* в русском языке) // Русский язык: Исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М., 2004. С. 255.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Ремчукова Е. Н. Морфология современного русского языка: Категория вида глагола: Учебное пособие. М., 2004.
- Соколов О. М. Категория фазовости как отражение объективной членности процесса // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М., 1988. С. 100–112.
- Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 124–152.
- Mehlig U. R. Verbalispekt und Iteration im Russischen // Slavistische Beiträge. 1982. Bd. 160. S. 113–154.

пределами, в речи носителей языка на данном этапе употребляются лексемы *пролюбить, проненавидеть* с фазовыми значениями ограниченности, финитивности (связанной с достижением результата) либо однократности. Например: *Вот когда ты меня потеряешь, — а я долго такого не пролюблю...* (А. Н. Толстой); *Да, и у меня, кажется, достанет сил прожить и пролюбить всю жизнь...* (И. А. Гончаров). *Пролюбить* миллион (= *потерять миллион*), *проиграть королеву* (h.ua/story/15329/). *А ты пропил, проспал, проел свою бессмертную душу. Прожил, пролюбил, промотал, проглядел в кино* (Список/lovepoeem_1227.html). А вот и весь фазовый цикл: *Ну, как не полюбить, отлюбить и пролюбить!* (www.antonim78.blogoda.ru/posts/440524.html). Схема фазовой парадигмы глагола *любить*:

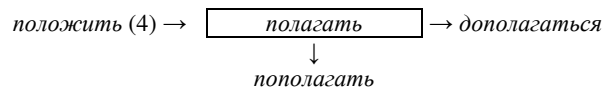

Фазовая парадигма глагола *знать* тоже неполная, трехсторонняя, в ней отсутствует выражение ограничительной фазы, зато имеется многократный глагол *знавать* и также большое количество лексем, выражающих начало последующего непредельного процесса-состояния, однако префиксы, передающие начинательность в этих двух парадигмах, значительно различаются по составу. Схема фазовой парадигмы глагола *знать*:

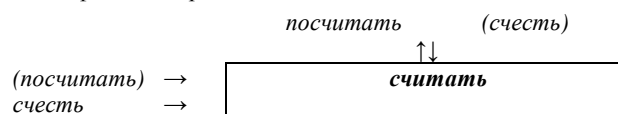

Глагол *полагать*, имперфектив глагола *положить*, устарел, в современной речи употребительной осталась только лексема 'думать, считать' в сочетании с придаточным дополнителем. Соотносится с *положить* в значении 'Предположим, будем считать возможным, допустим' (употребляется только в форме *положим* в роли вводного слова). В дискурсивных практиках встречаются дериваты *пополагать* и *дополагаться*, выражающие фазовые пределы ограниченности и завершительности (результативности). Примеры: *Можете немного пополагать, что вокруг вас розовые крокодилы летают, я не возражаю* (forum.ixbt.com>topic.cgi?id=54:55116-25); *...ведь были «основания полагать», вот он пополагал, как ему дозволяет закон, и перестал, что ж с этого? police-russia.ru>showthread.php...; Ну, он много чего полагает. Старцам можно и пополагать* (utro.ru>forum/archiv/2812.html). *Я всегда полагал, что люди отрицающие заговор, находятся как минимум в сговоре. Так и до паранойи дополагаться недолго* (forum.vinograd.ru>forum/topic-334332/kw...); *Вы уже дополагались, вам и вашему руководству суд скоро даст разъяснение...* (forum.yurclub.ru>index.php...); *полагать можно что угодно — арий вот тоже дополагается до ереси* (kuraev.ru>index.php...).

Фазовая парадигма, таким образом, может выглядеть так:

Лексема *считать* — 'Расценивать каким-л. образом, воспринимать как-л. // с *придат. доп.* Иметь какое-л. мнение, полагать' имеет (по МАС) два видовых коррелята: *счесть* в значении 'Расценить каким-л. образом, воспринять как-л.' и *посчитать* (разг.) 'Составить какое-л. мнение по поводу чего-л. // Принять, счесть за кого-, что-л.'. Фазовые отношения в видовых парах складываются как начинательно-процессные и однократно-многократные (как во всех тривиальных видовых парах), примеры: *Нас посчитают сумасшедшими* (sensor.net.ua...); *В общем, по итогам поверхностного знакомства автомобиль, пусть и с натяжкой, можно было счесть новым* (renault-symbol.infocar.ua>test6329_symbol_...); *Жюри, правда, посчитало, что постановка лишена четкой сверхзадачи и художественной целостности* («Народное творчество», № 3, 2004 — НКРЯ). Схема фазовой парадигмы:

Таким образом, на примере этих четырех произвольно взятых стативных глаголов видно, насколько разную фазовую парадигматику они проявляют, как различается их фазово-аффикальная валентность и функционирование в речи.

Литература

- Соколов О. М. Семантика категорий фазовости в русском языке // Известия АН СССР. Отделение языка и литературы. Т. 47. № 6. М., 1988. С. 539–549.
Титаренко Е. Я. Фазовая парадигматика глаголов положения в пространстве // II международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Т. 1: Доклады и сообщения. Granada, 2010. С. 281–286.
Титаренко Е. Я. Теория фазовой парадигматики русского глагола // Русистика: Сб. науч. трудов. Вып. 11. Киев, 2011. С. 47–51.

О «квазирезультативной» семантике и о глаголах «результативного неизменения»

Х. Томмола

Тамперский университет (Тампере, Финляндия)

Вид глагола, результативное значение, вторичное состояние

Summary. The paper is devoted to an attempt to compare the object marking in Finnish to the Slavonic verb aspect. In Finnish there is a group of verbs called quasi-resultative because of their curious behaviour as to the object marking: they govern the accusative case (that is normally the way to mark resultative situations), while they denote rather a state. The paper argues that there is a parallel in Russian verbs used synonymically in the perfective and in the imperfective aspect (*Solnce osvetilo sad / Solnce osveščает sad*).

Доклад посвящен анализу некоторых групп глаголов, выделяемых при анализе акциональной семантики глаголов. Предпринята попытка сравнения аспектуального поведения данных (групп) глаголов в типологически разных языках, прежде всего в русском и финском. Аспектуально релевантная категория падежа объекта в финском языке позволяет выявить семантические свойства глаголов, в значительной степени совпадающие с особенностями некоторых классов русских глаголов, выделяемых на основе их синтаксических или морфологических особенностей.

Переходные глаголы в финском языке можно разделить на аспектуально значимые классы **результативных**, **двойственных** и **иррезультативных** глаголов. С некоторым округлением можно утверждать, что состав финских результативных, двойственных и иррезультативных переходных глаголов соответствует распределению русских а) **глаголов СВ**, у которых соотносительный глагол НСВ не обладает конкретно-процессным значением, б) соотносительных по виду глаголов **СВ и НСВ**, и в) несоотносительных по виду **глаголов НСВ**.

В финской грамматической традиции **квазирезультативными** называли глаголы, при которых объект стоит в форме аккузатива, хотя глаголы обозначают ситуации несобытийные. Такие глаголы с постоянно-результативным зна-

чением можно рассматривать в четырех разных группах. Первая (с глаголом *tietää* знать) и четвертая (с глаголами *omistaa* иметь, *sisältää* содержать, *käsitteä* состоять из) группы сходны тем, что — в отличие от второй и третьей групп — они имеют только постоянно-результативное употребление, но расходятся по своим значениям. Вторая группа и третья группы объединяются в способности данных глаголов выступить и в событийном значении, но расходятся по семантике. В событийном употреблении глаголы второй группы (с глаголами чувств и мыслительного действия) обозначают наступление состояния (или словами Ю. С. Маслова: обозначают «непосредственный эффект»), глаголы же третьей группы — результативное конкретно-физическое или абстрактное действие.

В этом докладе внимание сосредоточивается на глаголах третьей группы. Результативные и двойственные глаголы, которые способны выступать в постоянно-результативном значении, обозначая не событие, а состояние (*peittää* покрывать, *täyttää* заполнять, *yhdistää* соединять, *erottaa* отделять, *valaista* освещать, *ympäroidä* окружать) отличаются принципиально от первых двух групп тем, что, как правило, субъектом не выступает одушевленное существо. Далее, когда всем подгруппам квазирезультативных глаголов свойственна неакциональность в постоянно-результативном

значении (НСВ), то глаголы этой группы, в отличие от других, в первичном своем значении обозначают активное действие (СВ / НСВ). Такой сдвиг в значении, переход из событийного значения в постоянно-результативное состояние, позволяет высказать предположение, что эти глаголы представляют собой не замкнутую группу, а подобное значение может приобретать большое количество акциональных глаголов.

Например, глагол *pitää* «держать» встречается с аккумулятивным объектом в постоянно-результативном значении, но обладает некоторыми особенностями, из-за которых его нельзя отождествить ни с одной из выше изложенных подгрупп квазирезультативных глаголов. Кроме ряда других значений он имеет множество употреблений, соответствующих общему значению «держать», и передаваемых в зависимости от случая по-русски то глаголами (*но*)*держат*, *удержат* / *-ивать*, *поддержат* / *-ивать*, *содержат*, то глаголами *хранить*, *сохранить* / *-ать* и т. п. В этом значении именно наблюдается характеризуемое как квазирезультативное употребление.

- (1) *Безупречно держали строй и три колонны, назначенные для <...> атаки третьего батальона* (Сергеев-Ценский, Севастопольская страда).
Moitteettomasti pitivät <...> mieltonsa (форма / строй-Акк)
myös kolmannen pataljoonan hyökkäykseen tarkoitetut rivistöt.
- (2) *Ты поддерживаешь связь с институтскими друзьями?* (УСССРЯ).
Pidätkö yhteyttä (связь-Парт) *opiskelutovereihisi?*
- (3) *Близость границы держала всех в неусыпной бдительности* (Н. Островский, Как закалялась сталь).
Rajan läheisyys piti kaikki (все-Акк) *herkeämättömän valppaina.*

К проблеме парадигматического упорядочения видовых глагольных форм

В. М. Труб

Институт украинского языка НАН Украины (Киев, Украина)

При решении вопроса об упорядочении глагольных форм, их распределении по видовым глагольным группам мы исходим из следующих предпосылок. В видовой группе исходной глагольной форме может быть сопоставлено производное множество глаголов противоположного вида. Данные глаголы, обладая одной и той же видовой характеристикой, например СВ, могут контрастировать между собой по признакам комплетивность (предельность), начинательность, делимитативность и т. д. Критерий отнесения глагола V_i к видовой группе основывается на невозможности обнаружения другой глагольной формы, которая, описывая бы (пусть и по-разному, с определёнными смысловыми приращениями) ту же ситуацию, что и первый член группы (V_1), но имела видовую характеристику, противоположную данному глаголу V_i . Одним из примеров применения такого подхода являются видовые группы, в которые структурируются глаголы с общим смысловым компонентом 'молчание', содержащим скрытое отрицание: *молчать* ≈ 'не издавать звуков (в частности, не проявляться вербально в ситуации, когда ожидается такое проявление)'. В самом общем случае значение этих глаголов соотносится с прототипической ситуацией коммуникации (в частном случае — разговора) по крайней мере двух лиц и указании на пассивность коммуникативной стратегии одного из коммуникантов. В соответствии со сформулированным критерием можно выделить такие видовые группы глаголов с данным смысловым компонентом:

- 1) {*молчать* — *замолчать* — *помолчать* — *промолчать* — *смолчать*};
- 2) {*умалчивать* — *умолчать*};
- 3) {*замалчивать*};
- 4) {*помалкивать*}

Рассмотрим особенности значений членов рассматриваемых групп.

Ситуация, описываемая в примерах, требует «приложения усилий» к поддержке состояния. Но во всех примерах отрицается изменение состояния. В этом смысле можно утверждать, что действие в этих предложениях неакционально, и приравнивается к действию, обозначаемому результативным глаголом *jättää* «оставить». Предложения, в которых в финском языке употребляется аккумулятив, можно превратить в отрицательные без ущерба смысла: «не вышли из строя» (1), «не давал ослабнуть бдительности» (3).

- (4) *Раз я ушел вперед, теперь не нагонят. Надо только сохранить эту дистанцию. Чуть сбавлю темп и в этом темпе к финишу* (Горбатов, Алексей Гайдаш).
Kun kerran pääsin edelle, kiinni eivät saa. On vain pidettävä / säilytettävä etumatka. Vähän hiljennän vauhtia ja sitä vauhtia maaliin.

И простой глагол *хранить* может соответствовать финским глаголам *pitää*, *säilyttää* в постоянно-результативном значении:

- (5) *Давыдов по-прежнему хранил наружное спокойствие* (Шолохов, Поднятая целина).
Davydov säilytti entiseen tapaan ulkonaisen tyyneytensä.

Рассмотрение финских вторично-квазирезультативных глаголов и эквивалентных русских глаголов позволяет сделать следующие выводы. Результативные глаголы, которые способны выступать в постоянно-результативном значении, обозначая не действие, а состояние (*peittää*, *täyttää*, *yhdistää*, *erottaa*, *valaista*, *ympäroidä*) отличаются принципиально тем, что, как правило, субъектом не выступает одушевленное существо. Далее, когда всем квазирезультативным глаголам свойственна неакциональность в постоянно-результативном значении, то глаголы этой группы, в отличие от других, в первичном своем значении обозначают активное действие.

Замолчать ≈ 'перестать издавать звуки (в частности, прервать свой речевой поток)' — ср. *Он говорит: «Да?» И замолчал. Потому что удивился очень;*

Помолчать ≈ 'сделать перерыв в своём речевом потоке' — ср. *Кстати, — он помолчал и, собравшись с духом, спросил дрожащим голосом: — Оля, ты меня любишь?*

Промолчать ≈ 'не отреагировать вербально на какое-либо событие или предшествующий вербальный пассаж другого участника коммуникации в ситуации, когда естественно было ожидать такой реакции' — ср. *В СССР вынуждены были промолчать — не защищать же последний Гитлера от «клеветы, преследований и репрессий» боннской юстиции; И как вы думаете, стоит вам ходить туда после этого? Я промолчал...*

Смолчать ≈ 'промолчать в ситуации, нормативно требующей отреагировать протестом или возражением (т. е. указать на необоснованность мнения, выраженного другим участником коммуникации), что с общепринятой точки зрения оценивается негативно' — ср. *Я и на этот раз смолчал, ажиотаж не поднимал; Или друга лучшего убили, тоже смолчал бы?*

Умалчивать ≈ 'не сообщать заинтересованным лицам о некоторой фактивной ситуации с целью, чтобы они оставались в неведении об этой ситуации' — ср. *Он явно умалчивал самое главное, надеясь, что всё ещё утрясётся.*

Умолчать ≈ 'в процессе однократной завершённой коммуникации не сообщить адресату о некоторой фактивной ситуации с целью, чтобы он оставался в неведении об этой ситуации' — ср. *Ты умолчал, что в тот же вечер после этого разговора она была убита;*

Замалчивать $P \approx$ 'постоянно прилагать усилия к тому, чтобы информация о фактивной ситуации P не стала достоянием заинтересованных лиц' — ср. *...Во время холодной войны Запад по идеологическим и политическим сообра-*

жениям *замалчивал* роль и значение Советского Союза в борьбе с нацизмом...; Кремль *замалчивал* количество жертв в Белом доме и в Москве в целом...

Важно отметить, что некоторые члены первой видовой группы имеют альтернативный вариант модели управления, в которой появляется валентность содержания — ср. *про-молчать* (о чём; про что...); *смолчать* (о чём; про что...). В таком случае данные глаголы становятся синонимами формы СВ *умолчать* — ср. *А про попытку заглядеться на проходящих мимо блондинок вообще лучше промолчать (= умолчать); Я смолчала (≈ умолчала), что это следы его пальцев, которыми он сжимал мою руку во время бреда.*

Помалкивать ≈ ‘во избежание возможных негативных последствий для субъекта не проявляться вербально (не высказываться по теме) в коммуникациях третьих лиц, которые входят в то же множество, что и субъект’ — ср. *Ему бы*

сидеть тихо-мирно, помалкивать в тряпочку; Ладно, Сталин в их споры не лез, он пока помалкивал.

В то же время форма НСВ *помалкивать* допускает альтернативную модель управления с валентностью содержания и в этом случае становится синонимом формы НСВ *умалчивать* — ср. *Ногами маялся, хотя тоже помалкивал (= умалчивал) об этом.*

Таким образом, благодаря наличию у одной и той же видовой глагольной формы разных моделей управления она может фигурировать в составе разных аспектуальных групп, образуя в каждой из них отдельную лексему (в смысле [Апресян 2009]).

Литература

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М., 2009.

Актуально-длительное значение НЕСОВ в семантике существительного

Е. Урысон

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Хорошо известно, что отглагольное существительное может выражать видовое значение СОВ или НЕСОВ; ср. *прыжок* (от СОВ *прыгнуть*) и *прыгание* (от НЕСОВ *прыгать*) [Пешковский 1935: 100–101]. Подробнее см. [Гловинская 2001: 57–60].

Интересно, что в семантике существительного может выражаться и частное видовое значение. Так, слова *всадник* и *верховой* обозначают человека, сидящего (и, возможно, перемещающегося) на лошади верхом в момент описания. Иными словами, предикат ‘сидеть верхом на лошади’ в их толковании имеет актуально-длительное значение НЕСОВ. Поэтому ненормально высказывание: **Всадники <верховые> отправились в буфет пить кофе* [выходит, что отправились в буфет верхом на лошадях]. Ср. *Сидящие в партере отправились в буфет пить кофе*. Здесь глагол *сидеть* имеет процессное или узусальное значение, т. е. называет действие, занимающее определенный промежуток времени, не обязательно совпадающий с моментом описания.

Другой пример — слово *лужайка*. Оно обозначает большое ровное открытое место, обычно в лесу, на котором растет трава в описываемый момент. Поэтому ненормальны примеры: **сверкающая снегом лужайка*; **Мальчик вышел на*

лужайку и снял лыжи. Близкий синоним слова *лужайка* — слово *полянка*. Но оно обозначает такое же место, на котором растет трава вообще, а необязательно в описываемый момент. Поэтому нормальны примеры: *сверкающая снегом полянка*; *Мальчик вышел на полянку и снял лыжи*. В толкование слова *лужайка* входит компонент ‘растет трава’, предикат которого (‘расти’) имеет актуально-длительное значение. Тот же предикат в семантике слова *полянка* имеет узусальное значение. Аналогичным образом устроено и слово *поляна*. Подробнее см. [Урысон 1996; 2004].

Подобные существительные, толкуемые через глагол в актуально-длительном значении, — это раритет в системе языка. В докладе предполагается рассмотреть некоторые другие такие слова.

Литература

Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935.

Урысон Е. В. Аспектуальные компоненты в значении существительного // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996. С. 380–385.

Видовременная система глагола в славянских языках

В. С. Храковский

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Summary. The report proposes a tentative classification of Slavic aspect and tense systems.

Как известно, славянские языки представляют собой эмпирически выделяемое, конечное множество родственных (дочерних) языков, которые исторически восходят к одному общему источнику — материнскому языку. Первым по времени появления письменным славянским языком является старославянский (IX–XI вв.), в основу которого легли рукописи болгарского и македонского происхождения. Видовременную систему старославянского языка можно достаточно условно принять за исходную при сравнении с видовременными системами современных славянских языков. Эта система включает шесть абсолютных временных форм (настоящее время НСВ, настоящее время СВ, реинтерпретируемое как будущее время, сложное будущее время НСВ, аорист, имперфект и перфект) и две относительных временных формы (плюсквамперфект и относительное будущее).

Что касается современных славянских языков, то и по количеству составу видовременных форм в парадигме, и по их функциям эти языки можно разделить на две основные группы и одну промежуточную. В первую основную группу, наиболее близкую к старославянскому языку, входят южнославянские языки: болгарский, македонский, сербохорватский и с некоторыми ограничениями моллизский

язык. (Моллизский язык — язык выходцев из Герцеговины, которые примерно 500 лет назад переселились в итальянский регион Моллизе. В настоящее время на этом языке говорит примерно 1000 человек, живущих в трех деревнях. Об этом языке см.: [Breu 2008].) Для этих языков характерно большое количество временных форм в парадигме (до девяти), а, кроме того, в парадигме наряду с абсолютными временными формами представлены формы, которые являются исключительно или преимущественно относительными, т. е. употребляются в бипредикатных конструкциях и выражают то или иное таксисное значение. Примером может служить парадигма временных форм болгарского языка, в которую входят абсолютные временные формы (настоящее время, будущее время, перфект, аорист, имперфект) и относительные: (плюсквамперфект, будущее в прошедшем, будущее предварительное в прошедшем, будущее предварительное). Относительные времена в общем не относятся к числу частотных форм, но являются вполне употребительными. Особый случай — широкое употребление плюсквамперфекта в моллизском языке, которое очевидным образом стимулировано контактом с доминирующим итальянским языком.

Говоря об этой относительной временной форме, мы хотим обратить внимание на те возможные случаи ее употребления, которые, насколько мы знаем, не учитываются при ее типологической характеристике. Дело в том, что стандартно эта форма при употреблении в таксисной конструкции обозначает ситуацию, которая предшествует опорной ситуации, локализованной до момента речи. Вместе с тем эта форма в болгарском языке может также обозначать ситуацию, которая следует за опорной ситуацией:

Петров реагира, *преди да₂*
Петров реагировать-AOR: 3SG прежде.чем_{1,2}
беше разбрал₄ *добре казаното.*
понять-PQP: 3SG: M_{3,4} хорошо сказанное
'Петров среагировал, прежде чем хорошо понял сказанное'

Кроме того, плюсквамперфект может употребляться в таксисной конструкции, как абсолютная временная форма, обозначающая опорную ситуацию, которая совершается в границах ситуации, выражаемой имперфектом:

Докато ние разговаряхме,
Пока мы разговаривать: IMPF: 1PL
тя беше сложила масата.
она накрыть: PQP: 3SG:F_{1,2} стол
'Пока мы разговаривали, она накрыла на стол.'

Во вторую основную группу входят все восточные славянские языки (русский, украинский, белорусский), западные (польский, чешский, словацкий) и один южный (словенский). Для этих языков характерна парадигма, которая практически включает только три абсолютных временных формы: настоящее прошедшее и будущее. (С типологической точки зрения интересен факт наличия в польском языке двух практически синонимичных аналитических форм будущего времени НСВ, которые состоят из личной формы глагола *być* в будущем времени и в первом случае инфинитива знаменательного глагола, а во втором случае формы на *-i*, являющейся по происхождению формой активного причастия прошедшего времени.) Правда, в грамматиках этих языков, кроме русского, отмечается наличие плюсквамперфекта, который либо употребляется абсолютно, обозначая ситуацию, которая имела место очень давно до момента речи, либо употребляется относительно, обозначая ситуацию, которая предшествовала другой ситуации, имевшей место до момента речи. Вместе с тем, при этом подчеркивается, что эта форма употребляется исключительно редко, либо что она вообще вышла из употребления. В русском языке сохранился рефлекс этой формы в конструкции, которая обозначает, что намечавшаяся или начавшаяся ситуация не

началась или прервалась в результате воздействия некоторой другой ситуации (*Я было проснулся, но тут же опять задремал*).

Особо следует подчеркнуть, что в словенском языке есть как формы настоящего времени НСВ и СВ, так и формы аналитического будущего НСВ и СВ. С типологической точки зрения особый интерес вызывает сфера использования формы настоящего времени СВ. В основном эта форма используется для обозначения действия, которое должно совершиться непосредственно после акта речи:

Takoj pridem: PRS.PFV.
'Я приду немедленно'.

Кроме того, эта форма употребляется в таких итеративных конструкциях, где, скажем, в русском языке может употребляться только форма настоящего времени НСВ:

Ko prideš: PRS. PFV v *Ljubljano*, *plačaš:* PRS. PFV *parkirmino in parkiraš:* PRS. PFV *na asfaltnem parkirišču.*

'Когда приезжаешь в Любляну, то платишь за парковку и паркуешься на асфальтированной стоянке'.

Промежуточную группу представляет (верхне)лужицкий язык, временная парадигма которого включает абсолютные временные формы (настоящее время НСВ, настоящее время СВ, реинтерпретируемое как будущее время, будущее время НСВ, имперфект НСВ, аорист СВ, перфект СВ / НСВ) и одну относительную (плюсквамперфект СВ / НСВ). Кроме того, перфект и будущее время НСВ могут употребляться относительно. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от южнославянских языков, где имперфект и аорист выступают в обеих видовых формах, в лужицком языке имперфект выступает только в форме НСВ, тогда как аорист только в форме СВ, что позволяет объединить их в одну временную форму претеритума.

Очень важная типологически значимая особенность притягивает к себе видовременной системе современного разговорного лужицкого языка. В этом языке формы СВ настоящего и прошедшего времени выражают реально осуществляющуюся / осуществлявшуюся ситуацию, обозначаемую предельным глаголом, тогда как формы настоящего и прошедшего времени НСВ обозначают реально осуществляющуюся / осуществлявшуюся ситуацию, обозначаемую непредельным глаголом. Ср. следующий пример, в котором употребляется форма настоящего времени СВ предельного глагола:

Jurij šeloži: PRS.PFV *rune jen list, ha mama hupelni:* PRS. PFV *tón formular.*

'Юрий как раз переводит лист, а мама заполняет формуляр'.

Роль лексического значения глагола при выражении аспектуально-акциональной семантики в языке с видом и без него (на материале русского и шведского языков)

Е. М. Чекалина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Дуратив, терминативность, предельность, лексико-синтаксическая конструкция

Summary. The paper discusses three periphrastic lexico-syntactic constructions with different aspectual-actional manifestation of durative semantics in Swedish in comparison with Russian aspect.

Сопоставление семантики видовых форм русского глагола с аспектуально-акциональными значениями (включая способы действия), выражаемыми комплексом разноуровневых средств в языках, не имеющих категориальный вид, возможно на пересечении лексики и грамматики. Так, в выбранном для сопоставления с русским шведском языке при выражении дуратива используются лексико-синтаксические конструкции с различной (хотя и незначительной) степенью граматизации.

1. Конструкция *hålla på* (глагол *держат* с поствербом в значении *продолжать*; *продолжаться*, *длиться*; *заниматься чем-либо* — с инструментальным предлогом *med*) + **инфинитив**, которая невозможна с непредельными стативными глаголами, характеризуется аспектуально-акциональной неоднородностью, обусловленной лексическими особенностями второго компонента, и выступает, в зависи-

мости от модификаций терминативного значения (в трактовке, предложенной в [Брой 1997]; [Брой 1998]), в нескольких вариантах:

а) **Дуративное** значение — при обозначении динамических процессов, которые «предполагают растянутость достижения предела, постепенное приближение к конечной цели» [Брой 1998: 92–93]: *Klimatet håller på att bli varmare* [SAG: 336] *Климат становится теплее*. В русском языке им соответствуют глаголы НСВ, в лексическом значении которых содержится значение потенциальной предельности.

б) **«Тенденциальное»** (швед. *tendentiell*) значение (процесс близок к осуществлению, но не осуществляется: 'едва не, чуть (было) не' в претерите; 'вот-вот, того гляди' в презенсе) — с глаголами, передающими тотально-терминативные моментальные процессы: *Jag höll på att svimma av förskräckelse* [SAG: 335] — «Я едва не лишилась чувств от

испуга». В русском языке шведским предикатам соответствует СВ аналогичных глаголов.

в) «Двойкая» **аспектуально-акциональная репрезентация**, не всегда снимаемая вербальным контекстом, — при градуально-терминативных глаголах, обозначающих комплексные процессы (деятельность + тотально-терминативный компонент): (1) *Patienten höll på att dö* [SAG: 335] — «Пациент **чуть не умер** / **умирал**»; (2) *Pelle håller på att hosta* [SAG: 337] — «Пелле **того гляди кашляет** / **закашляет**» (с ингрессивным оттенком) / **все кашляет** (с оттенком интенсивности). В русском языке шведским предикатам соответствуют как предельные глаголы в формах СВ / НСВ (1), так и видовые пары П СВ / НП НСВ (2). При одушевленном субъекте и предикатах динамических процессов для выражения дуративности используется в качестве свободного варианта конструкция с «псевдосочинением»: *Sara höll på att nysa / Sara höll på och nös* [Språkriktighetsboken: 190] — «Сара **чуть было не чихнула** / Сара **все чихала**» (также с оттенком интенсивности, что видно в переводе).

г) «Совмещенно-двойственная» **аспектуально-акциональная репрезентация** — как при однозначно терминативных глаголах, так и при глаголах двойственного видового характера [Čekalina 2011: 23–25], когда в предикате содержится указание и на дуративный характер протекания, и на то, что процесс близок к достижению внутреннего (1) или внешнего (2) предела и вот-вот завершится: (1) *Hela huset höll på att brinna upp* — «Дом **чуть не сгорел** дотла во время пожара»; (2) *Mona höll på att berätta för mycket om hemligheten* [SAG: 335] «Мона слишком много **рассказывала** об этой тайне и **чуть (было) не проболталась**».

д) В отдельных случаях конструкция может иметь «тенденциальное» значение даже с неопредельным глаголом: *Arne höll på att gråta av lättmod när han fick beskedet* [SAG: 336] — «Арне **едва не расплакался** от облегчения, получив это известие».

Отсутствие функционально-семантического инварианта сочетается с дефектностью парадигматического ряда: первый компонент с «поблещением вещественного значения» [Пешковский 1956: 78] встречается преимущественно в презенсе и претерите, лишь в единичных случаях в формах перфектного ряда, но не употребляется в инфинитиве и невозможен поэтому в перифрастических футуральных конструкциях [Чекалина 1993: 355].

2. Конструкции с градуально-терминативным глаголом становления *bli* и **причастием I** четырех **глаголов положения в пространстве** (*stå* «стоять», *sitta* «сидеть», *ligga* «лежать» и *hänga* «висеть») обычно соответствуют русским глаголам СВ с приставками *no-* / *pro-*, передающим временную ограниченность процесса, не способного иметь внутренний предел: *De satte sig till rätta och blev sittande ända till kvällen* (P. Lagerkvist) — «Они уселись поудобнее и **просидели** до самого вечера»; *Frågan blev hängande i luften*

(P. Jersild) — «Вопрос **повис** в воздухе» [Чекалина 1993: 394].

3. Конструкция с градуально-терминативным глаголом *komma* («приходить, приезжать, добираться») и **причастием I глаголов движения** (*gå* — «идти / уйти, ходить / уходить»; *åka* — «ехать / поехать»; *springa* — «бежать / убежать, бегать / убежать»; *flyga* — «лететь / улететь, летать / улетать»; *simma* — «плыть / уплыть, плавать / уплыть»; *krypa* — «ползти / уползти, ползать / уползть» и некоторых других) обозначает способ появления движущегося субъекта и соответствует чаще всего русским видовым парам с приставкой *npu-*: *Bonden kom gående ur mörkret* (P. A. Fogelström) — «Крестьянин **пришел** / **приходил** из темноты» [Чекалина 1993: 389].

В сопоставительных и сопоставительно-типологических исследованиях общие и частные значения славянского вида нередко переносятся на различные лексико-грамматические средства, имеющие сходную семантику в языках без вида или с принципиально иными аспектуальными категориями (как, например, в английском или в романских языках). Между тем предлагаемое для доклада исследование показывает, что внутреннее единство плана выражения и плана содержания определяется в каждом языке его системным устройством и специфическими механизмами семантизации конкретных речевых реализаций. Общими являются чаще всего смыслы, о которых пишет А. В. Бондарко [Бондарко 1978]; [Бондарко 1996], хотя и они не всегда легко различимы при лингвистическом анализе.

Литература

- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
 Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
 Брой В. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Семантика и структура славянского вида II / Отв. ред. С. Кароляк. Krakow, 1997.
 Брой В. Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист : имперфект : перфект) на основе взаимодействия с лексикой. // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М., 1998.
 Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
 Чекалина Е. М. Система форм и грамматические категории шведского глагола. Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1993.
 Čekalina E. M. Предельность / неопредельность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без нее (на материале русского и шведского языков) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. III конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Падуя, 2011.
 SAG — Svenska Akademiens grammatik. Band 4. Stockholm, 2000.
 Språkriktighetsboken. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93. Stockholm, 2005.

Еще раз об аспектуальных свойствах ментальных глаголов

А. Д. Шмелёв

Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Обязательная имперфективация, видовая коррелятивность, ментальные глаголы, тип предиката, лексическая полисемия

Summary. The paper deals with the interaction between the aspectual properties of Russian verbs and their lexical meaning (with special reference to mental predicates) along the lines suggested in the author's earlier publications.

В докладе развиваются и уточняются положения, высказанные в ряде предшествующих публикаций (в первую очередь, [Булыгина, Шмелев 1989]). Эти положения состоят, в частности, в следующем.

1. Для русских ментальных глаголов ключевую роль играют те же закономерности, что и для прочих глагольных классов:

- а) Ментальные глаголы совершенного вида обозначают события (в ментальной сфере), тогда как глаголы несовершенного вида могут обозначать не только события, но также ментальные процессы (ментальную деятельность) и ментальные состояния.

- б) В позициях «обязательной имперфективации» (т. е. в позициях, когда по правилам русской грамматики требуется использование глагола несовершенного вида), ментальные события обозначаются посредством глаголов несовершенного вида; в прочих случаях для обозначения событий используется глагол совершенного вида. Для обозначения ментальных процессов и ментальных состояний в норме используются глаголы несовершенного вида; из глаголов совершенного вида особое место занимают делимитативные глаголы, обозначающие «порцию» процесса (*подумай хорошенько*) и результативные глаголы,

- способные в определенном типе употреблений (напр., в форме пассивного причастия) обозначать результирующее ментальное состояние (*решено*).
- в) Глагол несовершенного вида, предназначенный для замены глагола совершенного вида в позициях «обязательной имперфективации», называется его имперфективным коррелятом и образует с ним видовую пару.
 - г) Значения, в которых имперфективный глагол выступает в позициях «обязательной имперфективации», являются собственно парными (или «тривиальными»); прочие значения имперфективного глагола не являются собственно парными (актуально-длительное, стативное и т. п.), даже если глагол входит в видовую пару.
 - д) В собственно парных значениях имперфективный глагол повторяет свойства своего коррелята (толкование лексического значения, сочетаемость и т. п.), тогда как в прочих аспектуальных значениях он может значительно отличаться от перфективного коррелята.
 - е) Способность имперфективного глагола иметь аспектуальные значения, не относящиеся к собственно парным, зависит в первую очередь от семантического класса глагола.
2. Один и тот же глагол в разных лексических значениях может иметь разные аспектуальные свойства. Важную

- роль играют контролируемость (наличие — отсутствие контроля определенным образом коррелирует с противопоставлением ментальной деятельности и ментальных состояний) и каузативная составляющая.
3. Наряду с общими закономерностями, определяемыми характеристиками семантического класса, к которому принадлежит ментальный глагол, важную роль могут играть его идиосинкратические свойства; они нуждаются в лексикографической фиксации.
 4. Нередко ментальный глагол приобретает особые семантические и, как следствие, аспектуальные свойства в определенных грамматических формах (форма первого лица в противопоставлении прочим личным формам, императив с отрицанием и без отрицания и т. п.).

На основе указанных общих положений уточняется описание семантических и аспектуальных свойств ряда русских ментальных предикатов. Дается объяснение ряду нетривиальных феноменов (сюда относятся, напр., случаи, когда ментальный глагол с отрицанием означает почти не отличается по значению от этого же глагола без отрицания: *долго не решался войти* ≈ *долго решался войти*).

Литература

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Выражение зависимого таксиса в русском и испанском языках

R. Guzmán Tirado / Р. Гусман Тирадо

Гранада, Испания

Зависимый таксис, испанский язык, русский язык

В последние годы в синтаксической конструкции предложения категория таксиса рассматривается отдельно. Несмотря на противоречивость многих теоретических установок, категория таксиса получила в русистике многоаспектное изучение. Хотя термин «таксис» (от греч. taxis — построение, порядок, расположение) [ЛЭС 1990: 504] относительно новый, исследователи уже давно обратили внимание на то, что в высказывании мы чаще всего имеем дело не с одним отдельным действием, а с несколькими связанными между собой. Таким отношениям ученые давали разные названия, такие как «относительное время», «соотносительное употребление времен», «времена с двойной ориентацией» и т. д.

Некоторые ученые считают, что по отношению к русскому, целесообразно говорить об особой грамматической категории таксиса (термин Р. О. Якобсона). Таксис по Якобсону «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972: 101]. Им четко разграничиваются категории времени и таксиса, таксиса и относительного времени. Для Р. О. Якобсона относительное время является лишь разновидностью категории таксиса. Он также разграничивает разные типы отношений, входящие в понятия «зависимый» и «независимый таксис».

Зависимый таксис характеризуется несамостоятельностью одного из компонентов предикативного комплекса, являясь носителем «вторичной» предикации, «сопутствующей» полной, и выражается в русском языке причастием и деепричастием. В свою очередь, независимый таксис не обладает данным признаком и характеризуется самостоятельной временной ориентацией каждого из действий, между которыми устанавливаются таксисные отношения. Помимо названных смыслов, Р. О. Якобсон допускает отнесенность к таксису таких отношений между действиями, как причинность, уступительность, цель и т. д. [Якобсон 1972: 101].

Подход В. С. Храковского к изучению таксиса носит универсальный характер. Его применение к другим языкам позволяет сравнить, как работает данная категория в других языках, в данном случае в испанском. Он исходит из того, что если глагольные формы делятся на финитные и нефинитные, то зависимая и опорная таксисные формы могут быть представлены следующими комбинациями нефинитных и финитных форм:

	зависимая форма	опорная форма	
1.	нефинитная форма	финитная форма (personales)	+
2.	нефинитная форма	нефинитная форма	+
3.	финитная форма	финитная форма	+
4.	финитная форма	нефинитная форма	+

Что касается категории таксиса в испанском языке, то до сих пор данная проблема не была предметом специального исследования, поэтому представляет особую актуальность. Она, как и в русском языке, реализуется в сложноподчиненном предложении, в осложненном предложении и в простом предложении. Предмет настоящего исследования — понятие таксиса и выражение отношений зависимого таксиса в испанском языке в сопоставлении с русским языком.

В нашей работе делается попытка систематизировать выражение зависимого таксиса в испанском языке с учетом данных, полученных в связи с изучением этой категории в русском языке. Специфика испанского языка заключается в том, что нефинитные формы (особенно, инфинитив) выступают в различных конструкциях с предлогом, характеризующихся широким диапазоном значений.

Литература

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95–113.